

*ПРОШЛОЕ КАК ВЫЗОВ: К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО).*

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Н. С. Гумилев.

В истории Русской Православной Церкви XX века имя Патриарха Сергия (Страгородского; 1867 – 1944), пожалуй, вызывает наибольшие споры и диаметрально противоположные суждения. Он не принадлежит прошлому, он – в настоящем, которое часто проявляет себя либо в отвержении принципов церковно-государственных отношений, сложившихся в эпоху Сталина, либо в объяснении и оправдании их. За спорами, что не удивительно, порой невозможно разглядеть индивидуальные черты самого Патриарха Сергия, который *из личности* парадоксальным образом превращается в *символ* давно ставших достоянием истории лет. Более того, он оказывается в тени «сергианства», – сложного церковно-политического явления, связанного с попыткой некоторых представителей православного священноначалия найти компромисс с безбожными советскими властями и тем самым «спасти» институциональную Церковь.

В этом, думается, и заключается основная проблема изучения жизни Патриарха Сергия, еще при жизни превратившегося в мифологический персонаж – со всеми неизбежными последствиями подобного превращения. Почему так произошло, я и попытаюсь рассказать, анализируя восприятие Патриарха Сергия, как в церковных кругах РПЦ, так и в среде тех, кто воспринимает Московскую Патриархию исключительно негативно. Но прежде, чем начать говорить об этом, следует в нескольких словах вспомнить об основных вехах жизни нашего героя.

... Он родился в традиционной священнической семье – все его предки на протяжении нескольких поколений, чуть не до XVII в., были православными священниками. Образование получил также вполне традиционное, окончив духовные училище, семинарию и академию. На студенческой скамье принял монашеский постриг, начав священническое служение миссионером в Японии. Служил и в Афинах – в русской посольской церкви, ходил, в качестве военного клирика, на боевом судне. Был «ученым монахом», к 1901 г. получив степень магистра богословия и назначение на должность ректора столичной духовной академии. В 38-летнем возрасте Сергия возвели в сан архиепископа и назначили на Финляндскую кафедру, а вскоре он стал и членом Св. Синода, пребывая в этом качестве вплоть до 1917 г. Имел славу либерального, прогрессивного архиерея, председательствовал на С.-Петербургских религиозно-философских собраниях 1901 – 1903 гг. Интересовался общественной жизнью страны, одновременно являясь идейным сторонником «монашеского делания». Как и большинство русских архиереев, Сергей желал воссоздания патриаршества, принимал участие в работах Предсоборного Присутствия 1906 г., в 1912 – 1916 гг. был председателем Предсоборного Соповещения, а в 1917 г. входил в Предсоборный Совет. После Февральской революции 1917 г. он, единственный из архиереев царского времени, остался в Св. Синоде.

Как видим, дореволюционная биография владыки может быть названа вполне успешной, он был одним из наиболее влиятельных епископов Православной Российской Церкви последних лет Синодальной эпохи. Впрочем, отношения его с императором и императрицей не были идеальными: к началу Великой войны он уже не пользовался доверием венценосцев, причиной чего можно считать резкое неприятие владыкой сибирского «старца» Григория Распутина. Удивительно ли это? Отнюдь. Время изменяет человека, заставляя пересматривать ранее усвоенные представления и стереотипы. Так было и с Сергием. Первоначально отнесшийся к Гр. Распутину с доверием и симпатией, познакомивший его с инспектором духовной академии архимандритом Феофаном (Быстровым), введшим

«старца» во дворец, Сергей, с начала 1910-х гг., всячески выказывал «Другу Царей» свое нерасположение, входя в группу антираспутински настроенных архиереев. Но то, что могло помешать ему при царе, вскоре после падения самодержавной государственности оказалось возможно записать в политический «актив», равно как и некоторые иные действия (например, поддержку народовольца М. В. Новорусского, после 1905 г. проживавшего при его покровительстве в Выборге). Тем не менее, архиепископ Сергей не сумел выиграть выборы, проводившиеся весной 1917 г. в Петрограде и не занял столичную архиерейскую кафедру (хотя и победил на выборах во Владимире). Великий Московский Собор 1917 – 1918 гг. также не стал него триумфом, – среди кандидатов на патриарший престол он не был в числе первых. Возведенный в сан митрополита, Сергей продолжил служение на Владимирской кафедре. Дальнейшая его судьба хорошо известна: в 1922 г. он поддерживает обновленческое движение, затем, в 1923 г., приносит покаяние Патриарху Тихону (Беллавину) и назначается в Нижний Новгород. Думая о возможных преемниках, в условиях усиливающихся нападков на Церковь, Патриарх составляет завещание, в котором не упоминает имени Сергея. Показательно?

На мой взгляд, несомненно. Но важно отметить иное: в качестве Заместителя Местоблюстителя его имя упоминает митрополит Крутицкий Петр (Полянский), ставший у руля церковного корабля весной 1925 г. После ареста последнего митрополит Сергей, наконец, получил возможность встать во главе РПЦ. Краткосрочный арест в 1926 г. заканчивается его выходом на свободу и опубликованием летом 1927 г. печально известной «Декларации» о лояльности власти. С того времени, по большому счету, и можно говорить о митрополите Сергии как о *пререкаемой фигуре русского православия*, ибо для большинства русских архиереев «Декларация» стала психологическим рубежом, преодолеть который оказалось практически невозможно. О перипетиях, связанных с «Декларацией», равно как

и о возникшей после ее опубликования ситуации в церковной среде мне уже приходилось достаточно подробно писать¹.

Поэтому ограничусь констатацией: после 1927 г. в жизни Русской Церкви наступил новый период, в течение которого официальное церковное руководство во главе с митрополитом Сергием пыталось наладить «добрые» отношения с Советским государством, идеологической целью которого было искоренение религии в стране. На практике, «добрые» отношения, среди прочего, предполагали влияние советских властей на кадровую политику Церкви (смещение архиереев и замещение приемлемыми для них кадрами освободившихся кафедр), хотя, как показало ближайшее будущее, вовсе не гарантировали жизни тем, кто согласился «играть» по правилам, предложенным большевиками. К тому же и сами эти правила могли меняться тогда, когда советские деятели считали нужным их поменять или скорректировать. Митрополит Сергей достаточно быстро оказался в ситуации человека, именем которого власти могли пользоваться безо всякого стеснения, не договариваясь предварительно.

Удивительный пример сказанному – знаменитое интервью Заместителя Местоблюстителя, опубликованное в центральной советской прессе в феврале 1930 г. Жители СССР, равно как и иностранные наблюдатели услышали от Сергия заявление об отсутствии гонений на религию. То была откровенная ложь, которая удивила в то время многих – и в Советском Союзе, и за рубежом. Но никто тогда не догадывался, что он *вообще ничего не говорил*: за него и вопросы корреспондентов, и ответы на них написали и отредактировали другие люди. «Текстологический анализ показал, – пишет московский исследователь И. А. Курляндский, – что само интервью являлось *фальсификацией*, совершенной уполномоченными к этому постановлением Политбюро Сталиным, Ярославским и Молотовым. Факт последующей авторизации “интервью” митрополитом Сергием его оценку как фальсификации, по моему убеждению автора, не меняет, потому что очевидно, что эта автори-

¹ См.: Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. 398 С.

зация была сделана под прямым давлением государства»². Итак – Емельян Ярославский, И. В. Сталин и В. М. Молотов! Столь бесцеремонное отношение к главе официально признаваемой в стране религиозной организации не стоит и комментировать, настолько оно характерно. Обратит внимание необходимо на последствия этого интервью: оно самым серьезным образом сказалось на репутации митрополита Сергия. О нем писали, разумеется, негодуя, его критики и, наоборот, объясняли и, как могли, комментировали его апологеты. Логика критиков – понятна, мотивация апологетов – показательна. Одним из тех, кто приводил ее совсем недавно, был автор книги о Сергии, отечественный историк и религиовед М. И. Одинцов. К сожалению, не ознакомившись с новыми материалами, говорящими о настоящих составителях печально знаменитого интервью, он в своеобразной манере попытался донести до своего читателя весь трагизм положения Сергия. Автор в лицах рассказывает, как на владыку давили власти, требуя «правильных» ответов, как он принимал иностранных корреспондентов и давал ответы на их вопросы. Его ответы вызвали волну критики, обвинения в «продажности безбожному государству». «Но все же, – указывается в книге М. И. Одинцова, – несмотря на нападки “внешних” и даже вопреки им, в церковной среде положение Сергия постепенно укрепляется»³. Об укреплении положения в церковной среде в период массовых гонений на духовенство и епископат говорить не будем, как не будет вникать в вопрос, кого считать «внешними», но саму попытку оправдать действия митрополита Сергия – отметим.

Нуждается ли исторический деятель, некогда сыгравший важную роль в истории, в оправдании? Вопрос, на первый взгляд, наивный. Но только на первый взгляд. Часто случается, что исторический деятель прошлого воспринимается потомками излишне пристрасно: одни его восхваляют, другие – осуждают и даже проклинаят, отказываясь признать наступление для него «исторической давности». В таком случае (*но только в таком*) оправдание становится попыткой преодоления максимализма дня сегодняшнего. К сожа-

² См.: Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 444.

³ Одинцов М. Патриарх Сергий. М., 2013. С. 245 – 246.

лению, книга М. И. Одинцова не может быть названа удачной попыткой преодолеть прежний субъективизм в отношении Патриарха Сергия – он не преодолевает его, а лишь декларирует его преодоление. Для М. И. Одинцова Патриарх Сергий – безусловный герой, поступавший всегда (или почти всегда) верно. Оправдывая его, исследователь хочет уверить читателей в том, что та модель церковно-государственных отношений, которая начала формироваться при активном участии Заместителя Местоблюстителя в конце 1920-х гг., была вполне приемлема для Церкви. Патриарх Сергий представлен знатоком законов развития общества, в муках формировавшегося на развалинах Российской империи. Проще говоря, выражаясь казенным языком советских времен, – «занимаемой должности» он соответствовал. Отметим, что с симпатией о Патриархе Сергии пишет человек, не являющийся его «церковным апологетом», а смотрящий на церковное прошлое и церковно-государственные отношения в духе «перестроившихся» сторонников «обновленного социализма». Это не хорошо и не плохо, это симптоматично. Сергий воспринимается как «правильный» советский человек, адекватно оценивший масштаб социальных перемен и возжелавший «вписать» Церковь в новый мир.

По-иному, но, безусловно, исключительно позитивно оценивает деятельность Патриарха Сергия и другой современный церковный историк и публицист С. В. Фомин, давно известный в православных кругах как реконструктор «подлинного» прошлого РПЦ. На сегодняшний день он составил и опубликовал несколько весьма показательных работ, позволяющих судить о том, как он понимает историю России и кого считает ее подлинными национальными героями. Так, им была подготовлена работа «Россия перед Вторым пришествием. Материалы к очерку Русской эсхатологии», увидевшая свет в 1993 г. и затем дважды (в 1994 и в 1998 гг.) переиздававшаяся. В этой книге С. В. Фомин собрал множество материалов, часто апокрифического характера, которые должны были показать предопределенность революционной трагедии и величие духа православных подвижников, включая императора Николая II, якобы желавшего принять монашеский постриг и

возглавить Русскую Церковь в сане Патриарха. Тенденция вполне понятная, в 1990-е гг. она получила широкое развитие в постсоветской России. Не случайно также, что С. В. Фомин озаботился и сбором материалов, посвященных «царскому Другу» Г. Е. Распутину, выпустив 7 томов объемных материалов («Григорий Распутин. Расследование». М., 2007 – 2013. Т. 1 – 7). В самом конце 1990-х гг. им опубликован «Царский сборник» и книга «Царь Иоанн Васильевич Грозный. Духовные песнопения и молитвословия», а в 2009 г. – «Грозный Царь Иоанн Васильевич».

Перечисление работ можно продолжить, но и упомянутых достаточно для того, чтобы понять: С. В. Фомин – искренний монархист, почитающий праведниками тех, кого историческая традиция и общественное мнение святыми и праведными не считали. Разоблачая многолетнюю «клевету», он преподносит прошлое как эсхатологическую картину, разоблачая тех, кого считает врагами русского народа и самодержавного принципа, и апологетически описывая противостоявших им праведников. Как видим, схема достаточно проста: есть враги, и есть подвижники, одни олицетворяют добро, другие – зло. Дихотомия в восприятии и описании прошлого – не изобретение С. В. Фомина, это старый метод подачи материала, основанный на безусловной убежденности историка в собственной правоте (даже если этот историк и говорит о заинтересованности в беспристрастном подходе к проверке и анализу документов).

В 2003 г. С. В. Фомин выпустил книгу «Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) Жертвенный подвиг стояния в истине Православия», в которой собрал огромное количество разного рода материалов, имеющих отношение и к служению Патриарха Сергея, и ко времени его жизни. Антология предварялась вступительным словом Патриарха Алексия (Ридигера), свидетельствуя о том, что высшее священноначалие поддерживает общие тенденции, которым следовал составитель. Об этом говорило и награждение книги Издательским советом РПЦ дипломом I степени в номинации «Книга – событие года». Награждение, равно как и предисловие Святейшего случай-

ными признать нельзя, они свидетельствовали о том, что священноначалие книгу воспринимает положительно и считает вкладом в изучение церковно-исторической науки. О том, что главный ее герой – действительно «герой», читатели могли судить уже по названию: Патриарх Сергей назван «стражем», а его служение – «жертвенным подвигом». То, что книгу составил апологет императорской России и почитатель последнего царя, конечно, не могло не вызвать недоуменные вопросы у тех, кто рассматривал революцию и приход к власти большевиков как национальное бедствие, а Патриарха Сергея – как вынужденного, но все-таки пособника новых богоборцев в деле разрушения Церкви.

Эти вопросы были сформулированы, среди прочего, в рецензии преподавателя Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ Д. П. Анашкина, появившейся уже в 2004 г. Позиция автора рецензии в целом отражала недоумение верующих Зарубежной Церкви, которые никогда не воспринимали Патриарха Сергея как «стража» и никогда не считали его церковный курс «мудрым». Наметившаяся тогда тенденция к сближению РПЦ и РПЦЗ основывалась как раз на критике сергианства и признании ее пагубности для русского православия. Об этом недвусмысленно и писал Д. П. Анашкин. С первых строк он заявляет, что «вызывает удивление сам факт появления на свет этого труда» в то время, когда Россия пытается проститься с наследием советских времен, развенчав культ «отца народов», а РПЦ, приняв Социальную концепцию, призывает «в случае, если власти требуют от христиан что-то противное божественным законам, оказывать им гражданское неповиновение. Именно в этот момент, – заявляет Д. П. Анашкин, – автор книги пытается вызвать к жизни мрачные тени страшного прошлого. Всем своим содержанием книга как раз прославляет наследие советских времен, реанимирует культ "отца народов" и одобряет политику соглашательства. Если характеризовать книгу в целом, то перед нами не критическое исследование, не вдумчивый научный анализ, а восторженный панегирик, готовый материал к канонизации. Герой повествования вне критики. Он не совершает ни одной ошибки. Абсолютно все его действия – образец мудрости, любви и чуть ли не святости. В то же время все противники

"святейшего" и "мудрейшего" представляются какой-то бандой вредителей, так и норовящих погубить Русскую Церковь»⁴.

Кстати сказать, об отношении РПЦЗ к Патриарху Сергию можно судить и потому, что в названии рецензии слово «Патриарх» закавычено. Непризнание главы РПЦ Святейшим не изменилось в среде сторонников Зарубежной Церкви и после воссоединения с Московской Патриархией в 2007 г. Но это – к слову. В данном случае важно отметить то, что в рецензии на книгу, составленную С. В. Фоминым, Д. П. Анашкин не только проанализировал некоторые из приведенных на ее страницах легенд и мифов, связанных с именем Сергия, но прежде всего указал, что Декларация 1927 г. «является выражением преданности не к Родине и ее урожаям, а именно к советской власти и правительству большевиков».

Собственно, в этом и следует видеть суть проблемы: для С. В. Фомина действия Патриарха Сергия были направлены на спасение институциональной Церкви, для его критика – на приспособление к антирелигиозной власти, которое не могло ее спасти. Лояльность к большевикам Д. П. Анашкин, в отличие от С. В. Фомина, не рассматривает как «особую мудрость» Патриарха Сергия, показывая, как логика составителя «Стража Дома Господня» приводит к апологии И. В. Сталина, который показан (с помощью приводимых апокрифических документов) этаким «раскаявшимся разбойником».

Но, главное, на мой взгляд, заключается в том, что автор рецензии ставит точный диагноз той социальной болезни, проявлением которой и стала книга С. В. Фомина. Эта болезнь, увы, в последнее время прогрессирующая, может быть названа кризисом национального сознания, проявляющего себя в стремлении поставить знак равенства между Россией и Советским Союзом. Об этом Д. П. Анашкин и пишет, вспоминая прежнее название таких «болящих» – «совпатриоты». «Вот, дескать, защищал Господь царскую Россию и православных государей, не оставил Он своим попечением и товарища Сталина.

⁴ Анашкин Д. П. «Русь Православная». «Патриарх» Сергий в изданиях Московской Патриархии // <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=3880>.

Срочно лепя из кровавого палача "богоданного вождя", – продолжает критик, – они тем самым хотят отвести обвинения от митрополита Сергия и его преемников в сотрудничестве с богоборческой властью. Действительно, какая может быть богоборческая власть, если во главе ее стоял столь ревностный защитник Православия, как Иосиф Виссарионович?»⁵.

Сергианство не стало достоянием прошлого, – этот горький вывод заключает рецензию Д. П. Анашкина и с этим трудно не согласиться. Однако, невозможно ограничиться лишь констатацией данного факта, следует отметить и то, что соединение императорской России и сталинской державы, якобы вспомнившей о Церкви и «воскресившей» ее после начала Великой Отечественной войны, культивируется ныне многими из тех, кто смотрит на историю России через призму конспирологических теорий. Стремление связать общей идеей «державничества» императорскую Россию и великий Советский Союз, а также показать врагов, выступавших против страны, заставляет единомышленников С. В. Фомина «реабилитировать» Иоанна Грозного, Григория Распутина, И. В. Сталина и ряд других исторических деятелей прошлого, чья деятельность рассматривается в «державническом» контексте⁶. В этом контексте пытаются рассматривать и Патриарха Сергия, который становится мифологическим персонажем историософских построений православных государственников.

Впрочем, было бы некорректно, приводя рецензию критика работы С. В. Фомина, не сказать о ее восторженных почитателях (тем более, что их аргументы и мотивация не менее интересны, чем приводимые Д. П. Анашкиным). Одной из таких почитательниц можно назвать православного публициста и критика Н. А. Ганину. Размышляя над книгой, она обращает внимание на то, что это – первый за полвека труд, целиком посвященный Патриарху Сергию и его эпохе в Русской Церкви и в России, отличающийся именно историософской позицией его составителя. Позиция характеризуется как осознание С. В. Фо-

⁵ Там же.

⁶ Об этом см. подр.: Фирсов С. Л. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011.

миным истории как Промысла Божьего. «Средоточием русской истории для исследователя являются судьбы *Удерживающего* – Православного Царства и Помазанника Божия, – отмечает Н. А. Ганина. – Тем самым идея книги может быть определена именно как судьбы русской “симфонии” в XX веке. Как правило, и серьезные исследователи, и до сужие “совопросники” мыслят иначе. Те же, кто мыслит монархически, не дал развернутого толкования проблемы “Патриарха Сергия и его духовного наследия”»⁷.

Получается, что С. В. Фомин впервые приступил к толкованию этой проблемы, да еще рассматривая историю как Промысел Божий! Одно это завораживает, поскольку до сих пор считалось, что идея Промысла Божьего была сформулирована еще ветхозаветными пророками, показавшими, что именно в нем и через него раскрывается смысл истории, что история не есть «бессмысленный парад случайностей», а также, что эта идея окончательное свое завершение получила в христианской традиции. Быть может никто из исследователей, занимавшихся изучением многострадальной истории Русской Церкви XX в., этого не понимал или не осознавал?

Если это так, то С. В. Фомин – уникален, постигая судьбы *Удерживающего* и изучая судьбы русской «симфонии» через служение Патриарха Сергия. На время согласимся с этим тезисом и посмотрим, как же разрабатывается в книге о «Страже Дома Господня», по мнению Н. А. Ганиной, тема его «духовного наследия».

Автор пытается доказать, что С. Ф. Фомин беспристрастно, языком документов и выдержек из работ исследователей, показывает исторический контекст, в котором только и можно понять личность Патриарха Сергия, не ограничиваясь рамками «исторического портрета». Действительно, С. Ф. Фомин пытается дать картину жизни Русской Церкви начала XX в., но сам же ограничивает ее идеологически заданными границами. Для него происходившие тогда в России события прежде всего и преимущественно – скорбный путь к последующей катастрофе, проводы «правды на небо». Н. А. Ганина цитирует те

⁷ Ганина Н. Безмолвное житие // http://ruskline.ru/analitika/2003/12/18/bezmolvnoe_zhitie.

выдержки из опубликованных С. В. Фоминым свидетельств, в немалой части апокрифических, в которых говорится, как страна шла к «клятвопреступному» марту 1917 г. «Россия же проходила епитимию, – цитирует она С. В. Фомина. – А если митрополит Сергей принужден был говорить – это были всецело подневольные (“яко тамо вопрошиша ны пленшии нас”) тексты Послания 1927 года или интервью 1930 года, самим Владыкой оценивавшиеся вполне недвусмысленно: “Необходимо перейти через эту грязную лужу...”»⁸. Следующая цитата не менее характерна: «“Ангелом и отцом Церкви Московской” назван был в 1934 г. измученный, униженный и безмолвный митрополит Сергей при усвоении титула митрополита Московского и Коломенского»⁹. Далее Н. А. Ганиной приводятся выдержки о том, как «Ангел» стал Патриархом, как изменился и сам вождь, позволивший в 1943 г. созвать Архиерейский Собор для избрания предстоятеля РПЦ.

Глубокомысленно замечая, что Патриарх Сергей не был «человеком единения», подобным Патриарху Тихону или митрополиту Петру (Полянскому), поскольку «этого ему не было дано», Н. А. Ганина подчеркивает, что трагическое в нем заслуживает большего внимания и уважения, чем «трагическое в Сталине». «Тайна митрополита Сергия – тайна его молитвенного подвига во все эти годы. Потому можно назвать сентябрьскую встречу 1943 г. наконец-то проставленной – вынужденной! – визой диктатора на “Декларации 1927 г.”, а можно просто поражаться тому, как все это произошло <...>»¹⁰.

Можно поражаться и другому: сравнению Патриарха Сергия с И. В. Сталиным в отношении того, сколько в том и в другом было «трагического», попытке проникнуть в тайну «молитвенного подвига» предстоятеля РПЦ посредством подбора эсхатологических апокрифов и сомнительного качества исторических конструкций советского прошлого, наименованием сентябрьской встречи митрополита с вождем «визой» Сталина на Декла-

⁸ См.: Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) Жертвенный подвиг стояния в истине Православия / Автор-составитель С. Фомин. М., 2003. С. 247.

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Ганина М. Указ. соч.

рации 1927 г. Действительно, все оказывается промыслительно, и человек, не имевший дара «единения» предстает в обличье «Ангела Церкви»!

Искать логику во всем этом – бессмысленно, ее просто нет. «Великий святитель» превращается под пером Н. А. Ганиной, восхваляющей «Стража Дома Господня», в символ произвольно сконструированного прошлого, в мифологический персонаж созданного воображением и трудолюбием С. В. Фомина *виртуального православного мира*, выдаваемого за мир реальный, истинный. Это – не подмена, сознательно осуществленная наивным мечтателем, это – психологическая аберрация, свойственная тем, кто искренне уверовал в возможность интерпретировать историю посредством произвольного подбора материалов и документов прошлого, поделенного на два непримиримых лагеря.

Конечно, далеко не все апологеты Патриарха Сергия пытаются подводить столь «мощные» историософские и богословские основания под свои суждения о нем. Неизменным остается одно: характеристика его как безусловного патриота и человека, лучше абсолютного большинства своих оппонентов понимавшего стоявшие тогда перед Русской Церковью задачи. В качестве примера можно привести статью иерея Александра Шумского, московского клирика храма святителя Николая в Хамовниках, опубликованную в 2011 г. Историк по образованию, кандидат педагогических наук, отец Александр активно публикуется в православной печати, высказываясь по различным вопросам церковного бытия и истории России. Патриарха Сергия он называет духовным вождем русского народа, ставя в один ряд со святителем Алексием, священномучеником Патриархом Гермогеном, святителем Патриархом Тихоном. В чем же отец Александр видит величайший подвиг именно Патриарха Сергия?

В том, что тот избежал «искушения катакомбностью». «Патриарх Сергий, вопреки всем неотразимым аргументам и фактам, принимает гениальное интуитивное и единственное правильное решение протянуть страшной советской власти свою руку»¹¹, – под-

¹¹ [Шумский А., иерей]. Великий духовидец и патриот. Иерей Александр Шумский о Патриархе Сергии и так называемом «сергианстве» //

черкивает он. Хотя аргументы и факты противников политики Сергия названы «неотразимыми», его решение «протянуть руку» все-таки характеризуется как гениальное, вынужденное молчание в условиях советского богоборчества названо страшной ценой «спасительного для Церкви компромисса». Презрительно называя современных сторонников «катакомбного развития» Русской Церкви 1920-х – 1930-х гг. «верхоглядами», отец Александр уничижительно замечал: они полагают, что лучше знают Божью волю, чем знал ее Патриарх Сергей.

«У меня нет никаких сомнений в том, что Патриарх Сергей действовал не самочинно, а в согласии с Божией волей, – утверждает он. – Поручкой тому является победа нашей страны в Великой Отечественной войне. Великая Победа была дарована России и русскому народу по молитвам, возносимым Русской Православной Церковью. И личная позиция Патриарха Сергия, полностью поддержавшего в Отечественной войне советскую власть и Сталина, явилась одним из главных духовно-нравственных факторов победы СССР над фашистской Германией. Очевидно, что если бы церковный курс, выбранный Патриархом Сергием, был ошибочным, то мы потерпели бы поражение в Великой Отечественной войне»¹².

Понятно, что любой человек имеет право на высказывание собственных мнений, но то, что отец Александр считает безусловным фактом следование Патриарха Сергия Божьей воле также логически несостоятельно, как и обратное утверждение. В конце концов, на все Божья воля (тем более, что многие верующие рассматривали войну как наказание свыше за гонения на Церковь). К сожалению, отстаивая «духоносность» Патриарха Сергия, отец Александр не находит ничего лучшего средства, чем обличение его противников (прежде всего – оказавшихся после революции за границей), называя «антисергиевство» духовной болезнью. Сам Сергей, по мнению автора, не уехал на Запад по причине «жертвенной любви» в Родине. Допустим, что все было именно так, и Патриарх Сергей, дей-

¹² Там же.

ствительно, великий патриот. Но почему же автор не задается вопросом, а кем были митрополиты Петр (Полянский), Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и сотни других архиереев, шедших по иному, чем Сергей пути, и по-иному смотревших на возможности церковно-государственных отношений в большевистской России? Ведь и они остались в родных краях, став исповедниками и мучениками!

...Призывая учиться у Патриарха Сергея трезвости и рассудительности в принятии судьбоносных решений, отец Александр вспомнил слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина), некогда рассказавшего ему о своем «тонком видении». В видении отцу Иоанну предстал Патриарх Сергей, за литургией подошедший к нему со словами: «Вот ты меня осуждаешь, а я ведь каюсь»¹³. Пафос статьи понятен: «Патриарх Сергей больше всех ощущал и понимал весь трагизм и тяжесть своего служения»¹⁴.

«Больше всех»... Что можно на это сказать? Точки над «і» расставлены, оценка дана. Отцу Александру все ясно, сомнений в правильности собственных рассуждений он не испытывает, давая на сложный вопрос о роли Патриарха Сергея и о сергианстве простой и по-солдатски односложный ответ. И здесь – схема, позволяющая не столько понять личность этого выдающегося иерарха, сколько отделаться банальными констатациями, смутно напоминающими «правильные» советские общественно-политические определения. Патриарх Сергей и в данном случае превращается в символ, теряя индивидуальные черты и воспринимаясь как *безусловный* «герой Церкви», ее высокомудрый «спаситель». Критиковать его – значит критиковать ту церковную организацию, которая была создана его усилиями в условиях тотального господства коммунистической идеологии. Круг, как видим, замыкается на «институции», критику «сергианства» оказывается возможным воспринимать и как критику Церкви. Патриарх Сергей попадает «в плен» сергианства. Чем не парадокс!?

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Парадокс, впрочем, можно было преодолеть, акцентируя внимание не на негативных последствиях действий Патриарха Сергия, вынужденно пошедшего на контакты с представителями безбожных властей, а на его патриотизме и «подвиге служения» Церкви и Родине. Именно так часто и поступают современные отечественные исследователи, пишущие о жизни Патриарха Сергия с официальных позиций¹⁵. Крестный путь Русской Православной Церкви 1920-х – 1930-х гг., таким образом, оценивается в контексте крестного пути ее предстоятеля, который рассматривается не в сравнении с подвигом новомучеников и исповедников, отвергавших его политическую линию, а в контексте борьбы за существование институциональной Церкви в СССР.

Подобный подход, разумеется, не разделяется теми, кто не считает деяния Патриарха Сергия – жертвенным служением и воспринимает сергианство в лучшем случае как духовный недуг, в худшем – как ектлесиалогическую ересь. Среди таких критиков есть и крайне правые, и умеренные. Для того, чтобы разобраться в их отношении к Патриарху Сергию, следует кратко охарактеризовать основные, базисные моменты их критики сергианства. Наиболее непримиримые критики сергианства – так называемые «катакомбники», представители современных маргинальных религиозных групп, заявляющие о себе как о наследниках и продолжателях традиций катакомбников первых лет советской власти. Среди них своим радикализмом выделяется группировка так называемого «архиепископа Готфского» Амвросия (фон Сиверса), заявляющая о своей преемственности от епископа Андрея (Ухтомского). Амвросий во второй половине 1990-х гг. издавал свой журнал – «Истинное православие», в котором поместил и материалы так называемых «Кочующих Соборов», якобы имевших место в 1920-х гг. Не касаясь вопроса об истинности или подложности появившихся на страницах «Истинного православия» материалов (почти все историки называют их подделкой), отметим другой момент: непримиримо-воинственное отношение их составителей к сергианству. Даже допуская, что материалы появились не в

¹⁵ См. напр.: Титков Е. П. Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас, 2007.

1920-х гг., а много позже, – в 1990-е, следует обратить на них внимание как на любопытный с психологической точки зрения документ, в котором полноценно отражено отношение к деяниям Патриарха Сергия тех, кто называет себя «истинно-православными христианами». И так, в материалах «Кочующего Собора», якобы проходившего в 1928 г., содержатся следующие положения.: *«Сергиевцы – еретики, и равны по нечестию обновленцам, но превосходят последних лютым зверонаравием», «благодати у сергиевцев нет, таинства не совершаются, а вместо священнодействий – сквернодействия», «сергиевцам, со своим учителем Сергием Страгородским, учащим, что богохульная, безбожная и незаконная “власть” есть власть, от Бога данная, по слову Апостола, и этим нечестивым учением раздирающим тело Христово: Анафема»*¹⁶. Непримириемость к Патриарху доведена у адептов Амвросия (фон Сиверса) до предела. К том же журнале, где были опубликованы приведенные выше сентенции, содержалась выдержка из «Окружного послания» епископа Андрея Ухтомского, отнесенная публикатором к ноябрю 1927 г. *«Если даже лживый Сергий и покается, как он это трижды делал в обновленчестве, – говорится в нем, – то в общение его ни за что не принимать»*¹⁷. Говорил ли это епископ Андрей или нет, в настоящем случае не важно, важно как подается современными катакомбниками материал о Патриархе Сергии. Отвержение сергианства – основа их бытия, для них Патриарх Сергий – безусловно антигерой православия (в отличие, скажем, от Адольфа Гитлера, «канонизированного» ими в 2007 г.).

Разумеется, не все катакомбники (или позиционирующие себя в качестве таковых) столь радикальны, что готовы признать Патриарха Сергия средоточием «вселенского зла». Но все они признают его врагом истинной веры и еретиком. Один из них – православный публицист А. Паряев, в 1990-х гг. опубликовавший свой вариант биографии Патриарха Сергия. В этой биографии он постарался таким образом расставить акценты, чтобы показать – издание Декларации 1927 г. было закономерным итогом предшествовавшей жизни

¹⁶ Амвросий (граф фон Сиверс), архиепископ. Катакомбная Церковь: «Кочующий» Собор 1928 г. // Русское православие. Всероссийский вестник И.П.Х. 1997. № 3 (7). С. 6 – 7.

¹⁷ См.: Там же. С. 3.

иерарха. Называя Декларацию одним из позорнейших документов в истории Православной Церкви, автор указывал, что документ этот заслуживал бы полного забвения, «если бы не был составлен будущим патриархом организации, называющей себя “Русская Православная Церковь” и не лежал бы в основе политики и идеологии Московского Патриархата».

Кратко излагая основные вехи биографии Патриарха Сергия, автор обращается к его предреволюционной деятельности, ошибочно приписывая иерарху даже служение панихиды по казненному царским правительством революционеру – лейтенанту П. П. Шмидту. Его мысль не требует пояснений: до революции 1917 г. будущий советский Патриарх показал себя либералом, противником самодержавия и сторонником церковного обновления, хотя и «не выставлял на показ своей революционности». Мы видим, как постепенно рисуется портрет настоящего «шпиона», засланного в стан православия для его постепенного уничтожения. А. Паряев откровенно заявляет: «Сегодня мы еще не можем знать, был ли он внедрен в Православную Церковь как агент какой-либо тайной организации. Но одно мы знаем точно – он был заклятым врагом существующих в России порядков, как государственных, так и церковных, и сделал все возможное для разрушения Российского государства и Российской Православной Церкви. На месте этой Церкви он создал другую церковь, которая именуется ныне Московской Патриархией и есть не что иное, как разросшийся до невероятных размеров, восставший из небытия, всё тот же Иоанн Николаевич Страгородский»¹⁸.

Заметим, что Российская Православная Церковь противопоставляется «другой церкви», причем само слово написано со строчной буквы, а ее предстоятель назван мирским именем. Пребывание Сергия в рядах обновленцев характеризуется А. Паряевым как вполне естественное, а последующее покаяние – как ложное. Говоря о насильственной кончине Патриарха Тихона, автор утверждает, что большевистская власть желала создать

¹⁸ Паряев А. Митрополит Сергей (Страгородский): неизвестная биография // http://rocor-library.info/books/O_sergianstve/O_sergianstve.htm.

Церковь, по видимости православную, а по сути обновленческую, идущую по пути самоуничтожения. Для этого ей был нужен свой человек, каковым-де и стал митрополит Сергей. Для автора он – таран, с помощью которого разрушалась Церковь в России, человек безнравственный и циничный. Не случайно, заканчивая свою статью, А. Паряев пишет: «Может быть, апологеты Московской Патриархии смогут найти где-либо документы и факты, говорящие о каких-нибудь добрых сторонах его личности. Но это не изменит главного – не устранил сергианства – новой ереси XX века. Начиная это исследование без всякой предвзятости, без желания “очернить” его имя, я пришел к выводу, что исследую жизнь еретика, создавшего свою собственную церковь»¹⁹.

Можно ли верить автору, убеждающему нас в отсутствии у него изначальной предвзятости?

Полагаю, что не вполне: материалы и документы подобраны им таким образом, чтобы доказать изначальность злого умысла у будущего советского Патриарха. Получается, что Сергей осознанно занимался разрушением Православной Российской Церкви еще с начала XX в., в глубине души был сторонником уничтожения царской власти, своей деятельностью если и не подготавливая, то уж, бесспорно, «подталкивая» революцию. Таким образом, оказывается возможным даже утверждать, что Сергей – не просто еретик, но, более того, – представитель неких «тайных сил», «закулисы» (не знаю только – мировой или местной, российской), проводивший деструктивную работу по разрушению самодержавной православной государственности. Идея, брошенная А. Паряевым в массы, вполне может быть реализована каким-нибудь писателем, работающим в жанре «исторического фэнтези». Основа для детективного романа имеется.

К сожалению, прошлое в его построениях оказывается тем «гвоздем», на который при желании можно «повесить» искусственно сконструированную схему. Схема А. Паряева достаточно проста: Патриарх Сергей создал собственную церковь, имея изначальную цель

¹⁹ Там же.

– подменить ею Церковь истинную. Ради этого он шел на любые отступления и преступления, лицемерил и обманывал, общался с богоборцами и т. д. В результате появилась Московская Патриархия – существующая и поныне злая пародия на подлинную Церковь. В такой схеме участь Сергия оказывается predetermined, а его биография – достаточно просто объяснимой. В который раз схема поглощает личность, примитивизируя ее. Жизнь человека, волею истории разделенная на две несоединимые части – дореволюционную, монархическую, и послереволюционную, советско-богоборческую, – искусственно объединяется скрепой изначального его «еретичества», существовавшего задолго до того, как большевики утвердились в России «всерьез и надолго».

Столь же жестко пишет о сергианстве бывший клирик РПЦ, в начале 1990-х гг. перешедший в юрисдикцию РПЦЗ протоиерей Лев Лебедев, по светскому образованию являвшийся профессиональным историком. Разумеется, он – непримиримый противник Московской Патриархии, выступающий в роли обвинителя Сергия, создавшего, по его словам, «лжепатриархию». Этому вопросу он посвятил отдельную главу своей книги «Великороссия: жизненный путь». И для него, как для А. Паряева, предреволюционная биография будущего Патриарха – предмет глубокого размышления, его жизненный путь он характеризует как путь компромиссов. Называя Сергия очень образованным (и в богословском, и в мирском отношениях), авторитетным и умным, отец Лев замечает его неустойчивость в исповедании истины и аттестует маловерным («неверным»). Причина этого видится автору в том, что будущий Патриарх всегда хотел «быть на виду и иметь поддержку сильных мира сего». Потому-то, полагает он, в решающий момент, оказавшись в тюрьме, митрополит Сергей оказался «боязливым», а все вместе привело к тому, что он стал «лжецом». «Это могло бы остаться в основном его личной духовной катастрофой, если бы он не увлек в нее всю созданную им лжепатриархию, которая основывается сознательно на его лживости, как на камне, даже до сего дня!», – утверждает отец Лев²⁰.

²⁰ Лебедев Л., прот. Великороссия: жизненный путь // http://rpczmoskva.org.ru/wp-content/uploads/lev_lebedev_velikorossija.htm.

Обращает на себя внимание слово «лжец». Что имел в виду автор, произнося его как приговор?

Он имел в виду Декларацию 1927 г. и последствия ее претворения в жизнь для Церкви и верующих. Разбирая текст Декларации, отец Лев говорит о том, что митрополит Сергей и его Синод поставили условием принадлежности к Церкви их политические взгляды и политическое признание советской власти, которая и не скрывала своей антихристианской направленности. «Тогда получается, – рассуждал отец Лев, – что в Церкви Христовой может пребывать только тот, кто становится другом антихристу (или антихристам)!.. Сама же Русская Православная Церковь, по Сергию, может быть таковой только в полном духовном, братском (не за страх, а за совесть!) единстве с откровенно антирусскими, антиправославными, антицерковными властителями, («радости и успехи которых – наши радости и успехи»...)! И напротив, те, кто не желает добровольно подписаться под преданностью сатанинскому режиму, становятся врагами Христу и Его Церкви!

Все – наизнанку, как бы шиворот-навыворот, все извращается до жути, до полной перестановки понятий и ориентиров! Даже от самых беспринципных или аполитичных священнослужителей можно было ожидать чего угодно, только не этого!

Московская «патриархия» делалась церковью-Оборотнем и в идейно-духовном отношении»²¹.

Итог обескураживает, но причины его автором «Великороссии» объяснены: митрополит Сергей, и его Синод не вняли никаким увещаниям, отколовшись от Русской Православной Церкви и от церковной полноты православия, «сделавшись “советской церковью”, как это часто стали называть, а лучше сказать одной из организаций всемирной иудео-масонской церкви Дьявола»²².

Если следовать логике отца Льва, Московская Патриархия с тех пор и донныне – филиал некой всемирной организации, в которой *и он* некогда начинал свое служение Богу,

²¹ Там же.

²² Там же.

будучи клириком РПЦ или, выражаясь его собственным языком, «иудео-масонской церкви Дьявола», более 20 лет. Важно отметить, что признание Московской Патриархии «филиалом» – прекрасное поле для посева любых конспирологических плевел, позволяющее не только говорить о «сатанинской» сущности современной РПЦ, но и о ее кровных связях со всеми противниками «истинного православия». Последнее заключение отца Льва полностью нивелирует многие правильные послы его работы, которая благодаря прозвучавшему «приговору» становится пособием для современных конспирологов, пытающихся «эсхатологически» переосмыслить прошлое. Патриарх Сергей, таким образом, перестает быть историческим деятелем, трансформируясь в некую *эманацию зла*. Все повторяется в очередной раз – «и возвращается ветер на круги своя»...

Столь же жестким критиком сергианства и, соответственно, Патриарха Сергия является также Владимир Мосс – сторонник так называемой Русской Православной Автономной Церкви, лидером которой до своей кончины являлся бывший патриархийный клирик, в РПАЦ титуловавшийся митрополитом Валентином (Русанцовым). Англичанин по происхождению и англиканин по изначальному вероисповеданию, В. Мосс за свою жизнь сменил несколько юрисдикций. В 1974 г. стал прихожанином английского храма, подчиняющегося Московской Патриархии, уже в 1975 г. перешел в РПЦЗ (где был перекрещен), обвинив РПЦ в следовании экуменизму и сергианской политике, затем перешел под омофор старостильников «матфеевского» Синода истинно-Православной Церкви Греции, в 1998 г. оказавшись в РПАЦ. Где спасается В. Мосс сейчас мне неизвестно, но и перечисленные юрисдикции говорят о нем вполне достаточно: он ищет незамутненную никаким отступничеством правду.

Поиски привели его к желанию изучить историю православия в XX в., результатом чего стала книга «Православная Церковь на перепутье (1917 – 1999)», переведенная на русский язык и изданная в С.-Петербурге в 2001 г. В качестве приложения к книге, ее автор поместил приложение под названием «Сергианство как ексхиологическая ересь», в

которой попытался разобрать действия митрополита Сергия после издания им Декларации 1927 г. Разумеется, декларацию он считает «позорной», а саму Московскую Патриархию после 1937 г. (то есть после смерти митрополита Петра /Полянского/ и казни в лагерях митрополитов Кирилла /Смирнова/ и Иосифа /Петровых/) – как бы находящейся «в преддверии ада». Для В. Мосса не подлежит сомнению, что для сергиан лояльность «являлась позитивным понятием, принятием того, что советская власть была не просто попущена Богом, но и установлена Им». Исходя из этого тезиса, он и пытается определить сущность сергианства, тем самым, вне сомнения, вынося суровый приговор и самому митрополиту Сергию. По убеждению В. Мосса, «сущность сергианства заключается в превратном понимании отношения между Церковью и миром, когда Церковь понимается служащей миру не в качестве совести и укора, будучи солью, сохраняющей его от конечного раствления и разрушения, – а путем приспособления себя к нему, потворствуя его падшим желаниям и антихристианским взглядам»²³.

Осуждая сергианство, В. Мосс обвинял в потворстве антихристианским взглядам и Заместителя Местоблюстителя. Для него очевидно, что во времена митрополита Сергия, показанного «предателем веры», начался процесс советизации Московской Патриархии, а «истинная Церковь» ушла в катакомбы. Описывая в своей книге глобальный процесс апостасии, В. Мосс показывает митрополита Сергия как одного из главных участников этого процесса – основателя новой ереси «сергианства», связываемой им, кстати говоря, с другой ересью XX в. – экуменизмом. Автор видит главную ошибку апологетов митрополита Сергия в том, что они забывают простой факт: Церковь спасает Бог, а не человек. Утверждая обратное, апологеты, по его мнению, оказываются близки к утрате веры в Промысел и Всемогушество Бога²⁴. Понятно, что самого митрополита Сергия В. Мосс считает человеком, эту веру безусловно утратившим. Такого же мнения, вероятно, придерживается и большинство последователей РПАЦ.

²³ Мосс В. Сергианство как экклесиологическая ересь // <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=105>.

²⁴ Он же. Православная Церковь на перепутье [г. III] // <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=96>.

Впрочем, есть и более яркие примеры критики сергианства и лично Сергия (Страгородского), которые могут служить примером парадоксальных эсхатологических трансформаций, наблюдаемых в постсоветской России. Наиболее впечатляющий – экстравагантные (иного слова не подобрать) заявления «архиепископа Иоанна» (Береславского) – духовного лидера «Православной Церкви Божией Матери Державная», в своей организации считающегося «пророком» и «блаженным». Патриарх Сергей для него – враг религиозного начала, вызванный к жизни преисподней. Задаваясь патетическим вопросом о том, как же так вышло, что в России восторжествовало направление Сергия²⁵, Иоанн (Береславский) вспоминал слова катакомбного «владыки» Геннадия (Секача), говорившего ему, что «Церковь надо выстрадать». «Пока ваш отец митрополит Сергей Страгородский гниет в кладбищенском гробу и борзееет в преисподней рядом с Лаврентием Берия, крестным своим отцом, – говорил он далее, – моя матушка-наставница мироточивая мироточит мощами и царствует на небесах! Вот вам суд Божий между “официальной” и И[стинно]П[равославной]Ц[ерковью]»²⁶.

Утверждая обреченность «фарисейского института» (т. е. РПЦ) и преемство своей «Церкви» от Соловков²⁷, Иоанн (Береславский) обвинял «фарисеев» в обкрадывании православной святыни, поясняя сказанное видением: «На небесах Григорий Распутин, оклеветанный масонами, стоит рядом с Николаем II в архиерейских одеждах. А митрополит Сергей Страгородский томится в адских пещерах»²⁸.

Старые песни о Патриархе Сергии повторяются богородичниками регулярно, говорить о нем резко и дерзко – их фирменный знак. Иоанн (Береславский) в своих «Дневниках» лишь озвучил то, что и в начале 1990-х гг. активно пропагандировали в книгах его сторонники и единомышленники, называя Сергия губителем Российского Православия, несшим на себе печать Иуды Искарюта. «Он был обманут – завет с дьяволом оказался

²⁵ Иоанн, архиеп. Дневники 97 – 00. М., 2001. С. 44.

²⁶ Там же. С. 222.

²⁷ Там же. С. 393.

²⁸ Там же. С. 426.

роковым и гибельным для Церкви, – писали его непримиримые обличители. – Надлежало идти в подполье, страдать за веру. Коммунисты дрогнули бы, видя силу свидетельства. Но остановить машину уже не было никакой возможности...»²⁹.

Разбирать весь бред, регулярно выдаваемый Иоанном (Береславским) и его компанией, дело неблагодарное, но в данном случае не будем спешить. Обратим внимание на некоторые важные обстоятельства: в отличие от современных православных «патриотов-государственников», почитающих и Григория Распутина, и царя Николая II (часто как «Искупителя»), богородичники не стремятся «оправдать» ни Патриарха Сергия, ни И. В. Сталина, противопоставляя предстоятеля Церкви подлинным, по их мнению, праведникам. В их мифологизированной истории Патриарх Сергей противопоставлен новомученикам и исповедникам, борцы «истинного православия» и «цари-помазанники» – советским богоборческим лидерам. В отличие от всех остальных критиков Сергия и сергианства, они окончательно и бесповоротно превращают Патриарха (которого, впрочем, Патриархом никогда не называют, но только митрополитом) в сказочный персонаж, наделяя всеми возможными отрицательными чертами, делая его именем синонимом имени владыки ада.

Впрочем, начиная с 1990-х гг., стали появляться и художественные произведения, героем которых является Патриарх Сергей. Одно из них принадлежит перу Феликса Светова – российского писателя, в творчестве которого вопрос о личной вере человека, о грехе и воздаянии затрагивался не раз. Этот вопрос был затронут им и в рассказе «Легенда о Великом Старце», – своеобразном переложении известной легенды Ф. М. Достоевского. Как мне кажется, на сегодняшний день рассказ Ф. Г. Светова – наиболее интересная художественная интерпретация жизненного пути Патриарха Сергия, – и приговор ему, и его оправдание. Все зависит от интерпретатора. История выстроена так, что ее своеобразная «пародийность» постоянно бросается в глаза: два человека, встретившись, пришли в кафе, где за обедом один говорит другому, что переложил поэму, лишь осовременив сюжет.

²⁹ Красная Патриархия. Волки в овечьей шкуре. М., 1993. С. 113, 114.

Действие отнесено к 1938 г. – временам ежовщины, когда в СССР каждые полминуты убивали человека.

«Он» приходит к людям, – первоначально в Свяжск, городок, где в 1920-х гг. был поставлен памятник Иуде Искарйоту. Затем добрался до Москвы. «Его» узнают, вокруг Него собираются толпы. В такой момент «с Волхонки выезжает автомобиль, врывается в толпу, останавливается, и из него выходит белобородый старик в архиерейской мантии, в белом митрополичьем клобуке, с посохом». Сразу поняв и оценив все, старик кивает трем выскочившим из машины субъектам в кожаных куртках, которые и арестовывают «Его». Арестованного привозят на Лубянку и помещают в одиночный бокс, куда ночью для разговора приходит старик в белом клобуке. Дальнейшее изложено в духе Достоевского: как его Великий Инквизитор объяснял Христу, почему Тот не должен был являться в мир, так и герой Ф. Г. Светова откровенно говорит узнику, что Его ожидает скорая расправа, а также, что толпа, приветствовавшая его сегодня, не вспомнит о Нем и в последний миг собственной жизни. Создавая свою «Легенду», писатель, словами рассказчика (некоего недавно воцерковившегося интеллигента Славы) стремился доказать, что главное – не в фоне рассказа, а в личности героя, который называется и по имени: «Великий Старец, Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский или, если угодно, Святейший Патриарх – Сергей Страгородский». Впрочем, тот же Слава восклицает: «мне важна достоверность не фактическая, я хочу постичь идею – не зря всё время ссылаюсь на подлинник!»³⁰. Подлинник – это «Легенда» Ф. М. Достоевского.

В чем же обвиняет «Его» и что хочет «Ему» доказать Великий Старец?

Что «Он» – явился напрасно и не сможет помешать тому делу, которое здесь, на земле, творится. Более того, Великий Старец утверждает, что «Его» пришествие закончится трагедией: «следом за Тобой, той же кровавой дорогой пройдут сотни, тысячи ни в чем не повинных глупцов». Он презирает глупцов, зная при этом, что мученики, пожелавшие

³⁰ Светов Ф. Легенда о великом старце // http://www.e-reading.by/bookreader.php/50921/Svetov_-_Legenda_o_velikom_starce.html.

остаться незапятнанными и выбравшие самый простой и короткий путь восшествия к Богу, судят его. Великому Старцу ясно, что путь, годный для избранных, не приемлем для большинства.

В рассказе Ф. Г. Светова повествователь Слава, обращаясь к своему слушателю, назвавшему Старца атеистом, обращает внимание на прозвучавшую сентенцию, указывая – «Это первый шаг к выводу». И продолжая: «А как же, скажете вы, на нем облачение митрополита и патриаршья власть над Церковью? Вот вам и второй шаг. А как же тогда с патриаршьей благодатью, спросите вы, если она захвачена всего лишь с помощью кесаря? А я вам отвечу: это третий шаг»³¹.

Три шага к выводу? Какому?

Об этом напрямую не говорится, вывод только подразумевается. Что подразумевается, скажем позднее, сейчас же отметим, что Великий Старец проповедует смирение перед властью, а руководимая им Русская Церковь, лежащая у ног атеистического молоха (как ранее – у ног православного самодержца), рукоплещет поруганию святынь, гонениям на Христа, безбожию и человеконенавистничеству. Как и в «Легенде о Великом Инквизиторе», в «Легенде о Великом Старце» важна тема *свободного выбора человека*, ибо Бог – это свобода. Данный тезис и подвергается проверке. Великий Старец обвиняет «Его» в том, то «Его» попущением нынешняя власть провела невиданный эксперимент. «Она дала свободу миллионам людей на гигантской территории. Она освободила их от всего, что тысячу лет держало их в узде: власти собственности и семьи, от обязательств перед детьми и родителями, от необходимости трудиться и в поте лица зарабатывать свой хлеб». Результат оказался ужасен, и власть должна была исправить ошибку, уничтожив саму идею свободы. «Власть думала о миллионах Твоих чад, – говорит «Ему» Великий Старец, – соблазненных мифом о свободе и погибающих от нее, захлебываясь в собственной мерзости. Да, несомненно, нужна была смелость, чтоб исправить заповеданное Тобой, и конечно, нам,

³¹ Там же.

неможным, это было бы не по плечу. Но Ты дал нам эту власть, ибо она была допущена Тобой. Ты вложил в ее руки карающий, огненный меч и тем указал путь Твоей Церкви. И мы поклонились Тебе в лице Тобой данной нам власти. Мечу кесаря поклонились мы. А власть дала человеку взамен хлеба, взамен только вредоносной для него свободы – истину о возможности построения рая на костях и крови».

А как же Церковь?

Несколько храмов осталось, «но только как место для богослужения и совершения обряда, нам не нужен благовест, крестные ходы и громкая проповедь». Сохранились и некоторые священники (много пастырей «этому стаду» не нужны); они – не служители Истины, не исповедники, а надзиратели за сумасшедшими³².

Слушая подобные речи, невольный собеседник литературного Славы – сочинителя новой «Легенды», – не выдержав, задался сакраментальным вопросом: «как вы осмеливаетесь разъять живое Тело Церкви – мученики, выходит, одна Церковь, а видимая, грешная, молящаяся сегодня в своих храмах – другая? Да почему – откуда?».

Ответа не последовало. Слава только сказал, что так увидел, в свою очередь спросив, разве не достаточно фразы «ваши радости – наши радости», «разве не распинают Христа те, кто вступает в контакт с режимом, распинающим мучеников за веру, провозглашающих, что само Имя Бога на этой земле не будет произнесено?».

На сей раз уже он не получил ответа, хотя своеобразным ответом, при желании, можно считать окончание новой «Легенды» в соответствии с «подлинником»: Великий Старец достал заранее заготовленный пропуск и отдал «Ему», сказав: «Уходи. Уходи немедленно, потому что еще минута, и я упаду к Твоим ногам». И «Он» ушел. Судьба же самого Великого Старца в «Легенде» оказалась не досказанной, верующий интеллигент Слава, излагавший ее, заявил своему собеседнику в самом конце их встречи: его азарта не хватит, чтобы судить Старца³³.

³² Там же.

³³ Там же.

Итак, судьба Великого Старца оказалась покрыта мраком неизвестности. О его рассказе ничего не говорится (хотя, при желании, за рассказ можно принять и заранее подготовленный им пропуск – для «Него»). «Азарта» для суда не хватило, но *о трех шагах к «выводу»* – Слава говорил. А шаги эти, напомним, – атеизм Великого Старца, его патриаршая власть над Церковью и патриаршая благодать, захваченная с помощью кесаря.

К чему же ведут эти три шага?

На мой взгляд к осознанию того, что Великий Старец есть великий грешник, убивший Бога в себе и стремившийся доказать необходимость подобного же умерщвления для тех «сырых и убогих», которые, получив после революции «свободу», не выдержали ее искуса и были возвращены к «порядку» железной рукой безбожной власти. «Вывод» должен был звучать как не подлежащий обжалованию приговор человеку, получившему земные почести, но подпавшему под суд мучеников. Великий Старец, конечно, не дьявол, но, безусловно, *соблазняющий*. Он, по-своему спасает людей, Церковь, веру, но его спасение не требует присутствия Живого Христа. Это, думается, то главное, что хотел показать в своем рассказе Ф. Г. Светов, неслучайно сделав прототипом главного героя именно Патриарха Сергия. Конечно, литературный образ – это всего лишь литературный образ, не более, однако, то, кем представлен Великий Старец, заставляет понять, что писатель, безусловно, не на его стороне и не сочувствует ему.

Кроме выдающегося рассказа Ф. Г. Светова, попытка воссоздать образ Патриарха Сергия делается в романе «Претерпевшие до конца» современной писательницы Елены Семенович. Роман посвящен судьбам новомучеников и исповедников Русской Церкви. О Сергии (Страгородском) речь идет в главе, не без претенциозности названной «Мудрость змия». Глава начинается с рассуждений героя о своем знаменитом «интервью» 1930 г., затем вспоминаются основные вехи его жизни, – начиная с рождения. Что хочет автор показать, рассказывая о будущем предстоятеле РПЦ?

Как с молодых ногтей развивался и оттачивался в нем «природный дар лицедейства», «а с ним и дар слова, умение заговорить, запутать оппонента», как он научался балансировать между разными силами, сохранять добрые отношения со всеми и быть «мудрым, аки змий». «В этом искусстве он сделался подлинным виртуозом»³⁴, – пишет романистка.

И процитированных пассажей достаточно для понимания основной мысли, к которой ведет своих читателей Е. В. Семенова: фундамент постреволюционного конформизма, умение ладить с богоборцами формировались еще в конце XIX – начале XX вв. Эта мысль развивается в «Мудрости змия» и далее, вновь – по кругу, – приводя изложение к пресс-конференции 1930 г. Засвидетельствовав «патриотизм советского гражданина», литературный Сергей возвращается в свои покои в грусти и тоске: «На душе было тошно. И хоть бы с кем слово сказать... Куда там! Сразу донесут Евгению Александровичу [Тучкову, в 1920-е гг. «курировавшему» РПЦ по линии ОГПУ – С. Ф.]. Собственные синодалы и помощники донесут. Тошно!..». Вот в эту тяжелую минуту ему и доложили о приезде митрополита Кирилла (Смирнова), оказавшегося проездом из ссылки. Понятно, принимать его митрополит Сергей не хотел, но не принять не мог. Приход митрополита Кирилла заставил Заместителя Местоблюстителя вспомнить тех архиереев, кто не принял его позиции, отказал ему в доверии и был им запрещен, вспомнил он и о своем учителе, лидере РПЦЗ митрополите Антонии (Храповицком)³⁵.

Эти воспоминания предваряют в романе показательное описание диалога, случившегося между иерархами. Е. В. Семенова описывает диалог людей, говорящих на одном языке, но не имеющих возможности найти взаимопонимание. Блестящий канонист и знаток церковного законодательства, митрополит Сергей показан настоящим православным «книжником» и «фарисеем», прячущимся за букву правил и не желающим слышать ту правду, которую пытается донести до него митрополит Кирилл, утверждавший, что «кро-

³⁴ Семенова Е. «Мудрость змия» (глава из романа «Претерпевшие до конца») / О Сергии Страгородском // http://www.golos-epohi.ru/?ELEMENT_ID=11949.

³⁵ Там же.

ме канонов, у епископа есть еще “иерархическая совесть”, которая может его уполномочить действовать даже вопреки всяким канонам»³⁶.

Итак, в романе представлен умный («аки змий»), глубокий, но при этом одинокий и циничный митрополит Сергей, не вызывающий у читателя сочувствия и поддержки. Автор противопоставляет его исповедникам, отказавшимся от компромисса с властью, выставляя вовсе не жертвой трагических обстоятельств, а заложником собственной гордыни. Обсуждать историческую достоверность литературного произведения вряд ли необходимо, но необходимо отметить, что автор показывает духовно падшего человека, прожигающего свою совесть. Это – в русле критиков Патриарха Сергия и сергианства, хотя и подано в весьма корректной форме, без какого-либо описания «каждый» митрополита Сергия дьяволу и подобных «художественных» картин, которые позволяют себе, в частности, такие «мастера слова», как упоминавшиеся выше богородичники.

К слову сказать, удивительно, но адептом богородичников в конце своей жизни стала супруга Ф. Г. Светова христианская писательница и публицист З. А. Крахмальникова, в 1980-е гг. несколько лет проведенная в лагере за то, что знакомила людей с православной литературой. Очевидно, что у богородичников ее привлекло истовое, хотя и доведенное до абсурда, почитание новомучеников. Но в нашем случае важнее отметить то, что З. А. Крахмальникова пришла к богородичникам тернистым путем, через осознание «горьких плодов» «сладкого плена» Московской Патриархии. Осознание это было связано с переоценкой того, что называется сергианством и связано с именем Патриарха Сергия.

Так появилась статья «Горькие плоды сладкого плена», в которой З. А. Крахмальникова утверждала, что высшим даром является свобода, познаваемая всеми, кто желает совершить побег из плена. «Когда земля наша устала принимать мощи мучеников и исповедников Христовых, когда появилась мнимая надежда на то, что плен явится укрытием от смерти, – писала З. А. Крахмальникова, – наша Церковь под водительством великого

³⁶ Там же.

старца и не менее великого богослова (как уверяли нас многократно официальные сочинители монографий) митр. Сергия (Страгородского) пошла добровольно в плен. Эта возможность была открыта известной Декларацией митр. Сергия»³⁷.

Подчинилась ли Церковь новой политической программе, выдвинутой владыкой в 1927 г.?

З. А. Крахмальникова полагает: история РПЦ свидетельствует о неподчинении. Более того, по ее мнению, политика митрополита Сергия была разрушительной. Церковь выстояла лишь потому, что следовала евангельским принципам, Декларация же позволила властям расправиться с теми, кто не изменил евангельскому откровению: гонениями ответили те, чьи радости стали радостями митрополита Сергия³⁸. Чрезвычайно корректно и предельно открыто З. А. Крахмальникова утверждает невозможность принятия православным сознанием сергианства как системы церковной жизни.

«Сергианство возникло как политическое явление, – писала она. – Однако вскоре политическая программа митр. Сергия породила не только особый стиль церковной жизни, характерный канонической сумятицей, церковной смутой и предательством непокорных. Сергианство в самых своих истоках стало явлением духовным. Суть его в духовной “ре-визии” Евангелия. Исходя из убеждения, что в истории человечества возникают ситуации общественные, политические и социальные, в которых евангельские принципы должны быть приспособлены к условиям этих ситуаций, духовное сергианство предлагает Русской Православной Церкви изменить, по меньшей мере, две центральные темы человеческой жизни в их евангельском прочтении, два главных принципа бытия, связанных с надеждой на спасение. Это Крест и исповедничество»³⁹.

Со сказанным трудно не согласиться. На протяжении многих десятилетий открыто говорить о новомучениках и исповедниках в РПЦ было невозможно. Исповедничество,

³⁷ Крахмальникова З. Горькие плоды сладкого плена // <http://internetsobor.org/arkhiv-rptcz/istoriia/rptcz/arkhiv-rptcz/zoia-krakhmalnikova-gorkie-plody-sladkogo-plena-1988-g>.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

если и интерпретировалось, то политически и идеологически (достаточно вспомнить книгу «Правда о религии в России», выпущенную Московской Патриархией по заданию ЦК ВКП (б) в 1942 г. при деятельной поддержке НКВД). Но можно ли винить в появлении сергианства самого Сергия (Страгородского)?

З. А. Крахмальникова прямого ответа не дает, однако никак не защищает его, не ищет «интеллектуальных лазеек», позволяющих оправдать Декларацию и ее последствия. Определение сергианства как духовного явления, данное автором «Горьких плодов», можно считать недвусмысленным обвинением Патриарха Сергия, попустившего духовную же «ревизию» Евангелия. В дальнейшем, она не раз обращалась к теме сергианства, опубликовав несколько работ на эту тему: «Еще раз о горьких плодах сладкого плена», «Между стихией и надеждой» и «В поисках обещанного рая». Первые две появились в издательстве РПЦЗ в Австралии (1989 и 1990 гг.), третья книга была опубликована в 1993 г. издательством «Протестант» уже в России. В названных работах З. А. Крахмальникова пыталась доказать, что сергианство формировалось как церковная ересь. Она была убеждена и в том, что «сергианство, объявившее себя спасителем Церкви, нации и народа и ради них вступившее в непозволительные для Церкви и христиан компромиссы с гонителями Церкви, нации и народа, посягнуло на Божественный порядок бытия»⁴⁰.

Нетрудно догадаться, что подобное заключение переносится и на личность самого митрополита Сергия, который рассматривается как богоотступник, не внявший предостережениям архиереев-мучеников. Даже более того, – З. А. Крахмальникова искренне убеждена: если бы были своевременно известны послания епископа Дамаскина (Цедрика), переписка Заместителя Местоблюстителя с митрополитами Кириллом (Смирновым), Петром (Полянским) и другими верными канонам православия подвижниками веры, «вряд ли в

⁴⁰ Крахмальникова З. Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет. Заметки о крушении «третьего Рима» // Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. Сборник статей. М., 1994. С. 207.

Русской Православной Церкви могло бы укорениться столь прочно лжеучение о возможности спасения Церкви человеческими усилиями»⁴¹.

Но «если бы» – не аргумент для истории. К тому же сегодня эта переписка опубликована, и, как мы видим, публикация не привела к осуждению Патриарха Сергия. Осуждена его Декларация 1927 г., однако само сергианство церковной ересью не названо и, полагаю, официально названо не будет. Суровый счет, предъявляемый З. А. Крахмальниковой церковному конформизму советского времени, Московской Патриархией к рассмотрению не принимается.

Столь же жестким, как и З. А. Крахмальникова, критиком сергианства был и другой русский мирянин – Б. В. Талантов, по рождению принадлежавший к РПЦ и пронесший незамутненную веру сквозь бурный и жестокий XX в. Его статья – «Сергиевщина или приспособленчество к атеизму. (Иродова закваска)», распространенная «Самиздатом» в 1967 г., – своим названием недвусмысленно свидетельствует о том, как автор понимал и оценивал политику Патриарха Сергия. Полагая, что приспособленчество состояло в ложном делении всех духовных потребностей человека на чисто религиозные и общественно-политические, Б. В. Талантов утверждал, что со временем оно вылилось в теорию советских богословов, по которой коммунистический строй общества является единственным счастливым и справедливым, якобы указанным Евангелием. Но это – в дальнейшем. В довоенный же период политика митрополита Сергия никого, кроме него самого, не спасла. К началу Великой Отечественной войны РПЦ была организационно разгромлена.

«Обращение Митр. Сергия к верующим-гражданам СССР 22 июня 1941 г. – утверждал Б. В. Талантов, – было воспринято истинно верующими, как новое пресмыкательство перед деспотической властью и новое предательство интересов церкви. Все верующие в России считали и считают Вторую Мировую войну, как гнев Божий за величайшее беззаконие, нечестие и гонение на христиан, имевшее место в России с начала Октябрю-

⁴¹ Там же.

ской революции. Поэтому в час грозных испытаний не напомнить народу и правительству об этом, не призвать народ к покаянию, не потребовать немедленного восстановления церкви и реабилитации всех невинно осужденных граждан СССР было великим грехом, великим нечестием»⁴².

О том, что многие верующие воспринимали начало гитлеровской агрессии как Божье наказание, нам уже приходилось упоминать выше, придется об этом говорить и в дальнейшем. Сейчас же отметим только то, что выступление митрополита Сергия 22 июня 1941 г. связывалось в представлении верующих с необходимостью призыва народа к покаянию. О возможности такого призыва в условиях советской действительности тогда не рассуждали. Получалось, что митрополит Сергей лишь «подыгрывал» безбожной власти, не более. Соответственно, и последующие рассуждения основывались на принимаемом в качестве не подлежащего сомнению факте его всеобъемлющего сервилизма, а последующее открытие церкви объяснялось лишь политикой И. В. Сталина, вызванной к жизни военными обстоятельствами. Пафос статьи Б. В. Талантова заключался в том, что приспособленчество к атеистической власти он и называл «сергиевщиной». «Сергиевщина», писал он, не только не спасла Церковь при «отце народов», но и способствовала окончательной потере подлинной свободе совести и превращению церковного управления в орудие этой власти. Приспособленчество же (или «сергиевщина»), по Б. В. Талантову, есть маловерие, то есть неверие в силу и Промысел Божий.

Как же можно характеризовать человека, не верящего в Промысел?

В любом случае, не как «крестоносца», выдержавшего искушения «мира сего». Сергей (Страгородский) при таком подходе оказывается фигурой не столько трагической, сколько искусительной, иерархом, не выдержавшим давления безбожников и поведшим церковный корабль в сторону от истинного христианства. Однако прямо Б. В. Талантов, пошедший за свои убеждения в тюрьму и в тюрьме скончавшийся, не стал обличать Пат-

⁴² Талантов Б. Сергиевщина или приспособление к атеизму. (Иродова закуска) // http://rocor-library.info/books/O_sergianstve/O_sergianstve.htm.

риарха Сергия. Явление «сергиевщины» его интересовало гораздо больше, чем личность самого иерарха. Человек, чья молодость пришлась на 1920-е гг., переживший ужасы сталинского террора, войну и эпоху хрущевских антицерковных гонений, имел право на пристрастность, поскольку заплатил за возможность говорить то, что считал верным, ценой собственной свободы и, в конечном итоге, жизни.

По-другому, до неприличия непримиримо и пристрастно, пишут о сергианстве и о Патриархе Сергии современные его критики, отказывающие Московской Патриархии в праве называться Церковью и декларирующие свою принадлежность к иным религиозным структурам. Нам уже приходилось говорить об одной из них – о «церкви», представленной «архиепископом Готфским» Амвросием (фон Сиверсом). Не меньший интерес для исследования волнующего нас вопроса представляют и члены так называемой Российской Православной Церкви. «Исповедание РосПЦ», составленное ее сторонниками, представляет не столько исторический, сколько социально-психологический интерес, особенно в части, касающейся Патриарха Сергия и сергианства.

Действия Сергия рассматриваются в «Исповедании» в широком контексте, включающем в себя и Вторую Мировую войну, которая интерпретируется в духе «жидомасонских» страшилок. Рассуждая о предыстории войны, составители «Исповедания» включают И. В. Сталина в общий западный лагерь противников А. Гитлера, по-своему объясняя довоенные противоречия, имевшие место в этом лагере и утверждая, что «отец народов» хотел напасть на фашистскую Германию в июле 1941 г. О фюрере и его миссии пишется если не восторженно, то в любом случае сочувственно, поскольку опасность для православной России, по утверждению составителей, исходила не от гитлеровцев, а от богореческой советской власти, перед которой Сергей-де и выслуживался. В результате, «советский диктатор оценил полезность сергианской лже-церкви для своего режима хотя бы с точки зрения организации эффективной просоветской и антифашистской пропаганды».

Одновременно, «Сергий стремился к своеобразной “симфонии” своей лже-церкви с советской властью, справедливо полагая, что если большевики всерьез собрались строить царство антихриста, то им непременно понадобится и антихристова лже-церковь, а такую церковь Сергей уже организовал и давно ожидал, когда кто-нибудь из большевиков обратит, наконец, на нее внимание». Последующие события церковно-государственной жизни описать было просто. Оставалось только одно: объяснить победу над фашистской Германией в русле общих «прогитлеровских» установок. Объяснение нашлось немедленно: во-первых, – национал-социалисты не сумели и не захотели сделать своим союзником русский православный народ, стремившийся к борьбе с большевиками; и, во-вторых, – «значительная часть подсоветского населения за годы большевизма настолько растлилась нравственно и духовно, что стала считать своей родиной не Россию, а Совдепию и фактически образовала новый народ – советский»⁴³.

Кто же виноват в случившемся, помимо большевиков?

Понятно, что «сергианская лже-церковь», которая и «довершила растление этой группы, внушив ей мысль, что в покаянии нет нужды, а служение антихристовой власти есть не грех, а добродетель». Подобный «историсофский» подход требовал и «богословского» укрепления. Катакомбные эсхатологии и здесь показали себя выдающимися знатоками, «синтезировав» историю и миф. «Сергианская поделка являлась с точки зрения Сталина наилучшей заготовкой для лже-церкви антихриста, поэтому Сталин и решил взять ее за основу своего “церковного строительства”, а не создавать антихристову лже-церковь с нуля». Вот и определение Московской Патриархии, констатация ее окончательного «духовного падения», начало которого усматривается в Декларации 1927 г. С сентября 1943 г., по утверждению составителей «Исповедания» РосПЦ, Московская Патриархия стала частью советского государства, превратившись из еретического сообщества в сатанинскую организацию, входившую в состав анафематствованной Церковью советской систе-

⁴³ Вероисповедание Российской Православной Церкви. IV // <http://www.ispovednik-portal.com/veroispovedanie-rospc-iv>.

мы. С тех пор духовных различий между Московской Патриархией и дьяволом не осталось и «лже-церковь» стала играть «для советского народа ту же роль, что и новозаветная синагога для народа иудейского, поэтому название “православная синагога” вполне отражает суть этой антихристовой организации»⁴⁴.

На этом, пожалуй, можно остановиться, не разбирая дальнейшие глубокомысленные сентенции составителей о сталинской послевоенной политике, причинах его конфликта с западными союзниками, борьбой с еврейством и умерщвлением «заговорщиками из Политбюро». Достаточно и приведенного материала.

Что мы видим?

Мы видим исполнение прежних «песен» о «лже-церкви», о вхождении Сергия (Страгородского) в союз с богоборцами, о войне как о Божьем наказании за грехи вероотступничества. Некоторые из прозвучавших сентенций повторялись в более корректной форме противниками сергианства и ранее, некоторые получили дополнительное, «творческое» развитие. Не изменился только общий посыл: восприятие Патриарха Сергия через политику сергианства. Отрицание этой политики, в основе своей понятное и во многом логически оправданное, как видим, приводило некоторых «истинных христиан» к необходимости писать свой «исторический» эпос, вера в истинность которого парадоксально коррелировала с верой в истинность Священного Писания и учения Православной Церкви. Непримируемость и максимализм превращали критику Патриарха Сергия и сергианства в политический фарс, замешанный на антисемитизме и конспирологии – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Впрочем, непримируемость далеко не всегда приводила противников действий Сергия (Страгородского) к историческим подменам и идеологической ангажированности. Достаточно вспомнить характеристику Сергия и сергианства, данную православным священником Владимиром Криволицким – катакомбным клириком, жившим и служившим в ста-

⁴⁴ Там же.

линскую эпоху. Начиная с 1927 г. он, не признавший Декларации 1927 г., неоднократно арестовывался и ссылался. Его статья о сергианстве была написана в годы, когда вопрос о действиях митрополита Сергия широко обсуждался церковной общественностью – и в советской России, и за ее пределами. Его рассуждения – рассуждения современника, переживавшего ломку прежней системы церковно-государственных отношений и строительство нового мира, где Церкви места не предусматривалось. Именно поэтому заключения, сделанные отцом Владимиром представляют для нас социально-психологический интерес и должны восприниматься *в том*, сталинском, временном контексте. Для него очевидно, что церковная организация, возглавлявшаяся митрополитом Сергием, «одобряет и благословляет власть “всадника”, сидящего на “коне бледном”». Апокалипсические предчувствия заставляют отца Владимира называть владыку Сергия «бывшим митрополитом» и «лже-иерархом», а возглавляемую им Церковь – «лже-церковью». Он убежден, что отступление Сергия от истины «совершено пред духом антихристовым, пред силою его, нашедшею себе выявление, воплощение впервые на земле». Отступление он характеризует как тайное и скрытое, потому – особенно злонамеренное и опасное⁴⁵.

К сожалению, пытаясь доказать это утверждение, отец Владимир приводил аргументы, которые ныне не могут восприниматься иначе, как фантастические. По его словам, митрополит Сергей («отступник и предатель») несколько раз вызывал из ссылки митрополита Петра (Полянского), пытаясь склонить его на свою сторону, но последний всегда оставался тверд. На последнем же свидании, истощив все средства, митрополит Сергей, якобы, крикнул Местоблюстителю, которого замещал: «Ну так и сгниешь в ссылке!», на что тот ответил: «Сгнию, но с Господом, – а не с тобою, Иудою-предателем!»⁴⁶.

Отец Владимир даже не задумывался над вопросом, как митрополит Сергей мог «вызвать» из ссылки Местоблюстителя: для него было очевидно, что – мог. Поистине, получалось, что митрополит Сергей в 1930-е гг. «ввязал и решал» судьбы архиереев, разумеет-

⁴⁵ Кривоуцкий В., свящ. О Сергианстве // http://rocor-library.info/books/O_sergianstve/O_sergianstve.htm.

⁴⁶ Там же.

ся, следуя велению «всадника», описанного в Откровении Иоанна Богослова. Может ли после этого удивлять определение отцом Владимиром сергианства, как поставления «мерзости запустения на месте святом»?

Вопрос, понятно, гипотетический, да и не в нем дело. Важнее факт восприятия митрополита Сергия как «Иуды», как «бывшего», отпавшего от полноты православия. Сергианство показано как результат действий митрополита Сергия, как его, и только его, детище. Для многих, если не для большинства, современников отца Владимира, не признававших Московской Патриархии, это было очевидно и воспринималось как не требующая доказательств аксиома. Не будет преувеличением сказать, что традиция отрицательного отношения к Патриарху Сергию именно в тот период и была установлена, а в последующие годы, как мы видели, – лишь развивалась и укреплялась.

Возможно ли считать это нормой, или же следует признать антисергианские утверждения, звучавшие от многих его оппонентов в течение многих десятилетий, пристрастным отношением к выдающемуся церковному деятелю, бескорыстно стремившемуся отстаивать существование Русской Православной Церкви в богоборческом Советском Союзе?

К сожалению, я не могу дать однозначного ответа, даже, более того, считаю, что его в принципе невозможно найти. Прошлое необходимо понимать, а не осуждать или восхвалять. Для понимания же стоит, прежде всего, пытаться услышать всех, говоривших, как pro, так и contra. Их пристрастность – тоже материал, помогающий аналитику лучше уяснить историю, которая не есть только сумма известных фактов, сложенных в определенной последовательности. История – это и сумма вопросов, даже правильная постановка которых вовсе не означает того, что исследователь сумеет найти необходимые ему ответы. Желание упростить задачу таит в себе опасность вовсе не волшебного превращения исследователя в мифотворца, подгоняющего под собственную теорию известные ему исторические данные.

Конечно, мифотворчество мифотворчеству – рознь. Есть сознательные творцы легенд, преследующие политические или идеологические цели. Есть «простецы», желающие объяснить непонятные им явления в категориях обыденного сознания. Есть также и бескорыстные интеллектуалы, для которых истинность тех или иных положений всегда доказывается правильностью системы логических доказательств. Однако логика далеко не всегда позволяет избежать сползания в миф: здесь все зависит от признания истинными или ложными базовых определений. Все это мы, увы, можем наблюдать и у защитников, и у критиков сергианства. Соответственно, и оценка самого Патриарха Сергия оказывается изначально пристрастной.

Оценивать подобное пристрастие я не берусь, ограничиваясь выявлением тех противоречий в рассуждениях, которые проявляются у писавших о Патриархе Сергии и сергианстве авторов. Для многих них, Патриарх Сергий – фигура не столько историческая, сколько политическая, равно и сергианство – явление как духовного, так и общественно-церковного значения. Настоящее обстоятельство следует принимать как данность, пытаясь разобраться в том, что до сих пор вызывает жгучие споры и идейные конфликты. Следует признать, что надежду на устраивающее все стороны разрешение этих конфликтов следует оставить, признав вопрос *неразрешимым*. Это – не проявление слабости исследователя, а, наоборот, признание им того обстоятельства, что в истории существуют неразрешимые вопросы, что в споре истина не рождается. Это поможет, как мне представляется, избежать «мифотворческого» соблазна и без убежденности в собственном «окончательном и бесповоротном» понимании взглянуть на проблему сергианства.

Сказанное, думается, позволяет без излишней ангажированности взглянуть и на установившееся в РПЦЗ, и по существу верное, представление о сергианстве как о признании Церковью факта существования государства, задачей которого является уничтожение Церкви, признание авторитета этого государства и сотрудничество с ним. Горьким укором звучат слова протоиерея РПЦЗ Александра Лебедева, писавшего, что «сергианство по

своей сущности является учением, утверждающим, что для Церкви, желающей спасти некую видимость своего существования перед лицом государства, ставящего своей задачей искоренение Церкви, позволительно <...> лгать – лгать явно, открыто и бесстыдно, лгать как своей пастве, так и всему миру». Под ложью отец Александр имел в виду официальные заявления Московской Патриархии о размерах преследования Церкви государством, о самом факте этих преследований, об отсутствии мучеников и исповедников и их следования пути Христову – крестному пути. Сергианство отец Александр называл воплощением концепции «Цель оправдывает средства», полагая, что сергианство противоречит христианскому долгу, что ему нет оправдания, и оно должно быть отвергнуто православными⁴⁷.

Такое сергианство на сегодняшний день осуждено и отвергнуто священноначалием РПЦ, иначе канонического общения с РПЦЗ, состоявшегося в 2007 г., не было бы. Однако вопрос об отношении к личности самого Сергия (Страгородского) и после 2007 г. нельзя считать разрешенным. Он продолжает оставаться актуальным, порождая все новые споры и заставляя говорить о том, что до полного взаимопонимания еще далеко. Однако попытки найти «точки соприкосновения» различных позиций делаются. Одной из таких попыток можно назвать статью диакона Георгия Малкова, посвященную Патриарху Сергию. Статья может быть названа удачной попыткой без ангажированности взглянуть на его деятельность и на него самого. Не отрицая склонности будущего предстоятеля к либертарианству, автор утверждает, что «легитимность его в дальнейшем – уже как Патриарха – может быть признана только в плане церковной икономии, но никак – акривии»⁴⁸.

С этим, полагаю, согласятся все трезвомыслящие историки как РПЦ, так и РПЦЗ. Согласятся они и с тем, что «вся «церковоспасательная» деятельность Патриарха Сергия была основана на идеях изготовленной в недрах Лубянки и подписанной им известной «Декларации» 1927 г.». Не случайно приводятся отцом Георгием и слова митрополита Смолен-

⁴⁷ Лебедев А., прот. Что такое сергианство // http://rocor-library.info/books/O_sergianstve/O_sergianstve.htm.

⁴⁸ Малков Г., диакон. О Патриархе Сергии // <http://www.bogoslov.ru/text/1606326.html>. Стоит отметить, что статья о Георгии появилась как ответ на статью священника Александра Мазырина, которую мы публикуем в настоящей антологии.

ского Кирилла (Гундяева), ныне Святейшего Патриарха, сказанные им на Архиерейском Соборе 2004 г. о том, что «Свободный голос Церкви, дает возможность взглянуть по-новому на “Декларацию”. При всем понимании того, что курс отношения к государству, который был избран в 1927 году, обосновывался побуждениями сохранить возможность легального существования Церкви, – говорил владыка, – этот курс Собором Русской Православной Церкви авторитетно был признан НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИМ подлинной норме церковно-государственных отношений. Эпохе церковной несвободы пришел конец».

Приведя эти слова, автор статьи ниже заметил, что, несмотря на признание курса митрополита Сергия на сближение с большевистской властью Архиерейским Собором несоответствующим церковным духовно-нравственным нормам, «сама идейная, изначально лукавая, уповающая не на спасительный Промысл Божий, а на человеческие ухищрения основа его [Сергия – С. Ф.] практических действий так и не была – вполне “дипломатично” – прямо осуждена Собором»⁴⁹. Отец Георгий обращает внимание на отсутствие «прямого осуждения» *основной идеи* митрополита Сергия, но, полагаю, требовать этого от русских архиереев в 2004 г. было проблематично. Осуждение идеи Патриарха Сергия – проблема не только историческая, и даже не чисто церковная. Это проблема психологического свойства, осознание которой может потребовать как признания ошибок, совершенных *лично* Патриархом Сергием, так и разбора всех последствий этой *личной* ошибки – для полноты Церкви.

К чему мог бы привести подобный разбор судить не берусь, тем более, что о Патриархе Сергии большинство иерархов РПЦ сегодня судит достаточно высоко. Сам предстоятель Церкви, Святейший Патриарх Кирилл, в 2013 г., произнося Слово в день памяти святого князя Александра Невского, сравнил выпавшие на его долю испытания, с испытаниями, выпавшими на долю царя-страстотерпца Николая II, Святейшего Тихона и – Патри-

⁴⁹ Там же.

арха Сергия, «которого обвиняли в предательстве Церкви, но который делал все для того, чтобы Церковь сохранилась. Для него безразлично было, – утверждал далее Патриарх Кирилл, – как о нем будут впоследствии вспоминать. Для него было главным сохранить Церковь от полного уничтожения, что и было сделано. И довел Святейший Патриарх Сергий корабль нашей Церкви до судьбоносного 1943 года, когда под тяжестью суровых обстоятельств войны, стремясь поднять патриотическое чувство, верховная власть страны приняла решение остановить гонения на Церковь. Что было бы с нами, если бы не этот подвиг святителя Сергия, Патриарха Московского и всея Руси? Наверное, ко временам свободы ничего бы не осталось от Русской Церкви, и на нашей земле сегодня процветали бы секты, еретические сообщества – кто бы только ни заполнил землю Русскую, не будь здесь на страже Русская Православная Церковь!»⁵⁰.

Таким образом, Святейший Патриарх Кирилл воспринимает деяния Святейшего Патриарха Сергия как подвиг, равнозначный свершенному как его предшественником на патриаршем престоле святым Тихоном, так и героями недавнего и далекого прошлого – императором Николаем II и великим князем Александром Невским. Невозможно заподозрить нынешнего предстоятеля РПЦ в неискренности, он глубоко убежден в благодати того, что стремился претворить в жизнь и в чем преуспел Патриарх Сергий. Последний, если следовать логике заявленного Патриархом Кириллом, оказывается охранителем институциональной Церкви, сумевшим выдержать искушение осуждением. Подобное восприятие Патриарха Сергия заставляет вновь и вновь задаваться вопросом: насколько возможно отделять и отделить сергианство от имени того, с кем оно обыкновенно связывается в истории Русской Православной Церкви XX в. Быть может, хоть немного разрешить эту дилемму и помогут представленные в настоящей антологии материалы.

⁵⁰ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти святого благоверного князя Александра Невского в Троицком Александро-Невском ставропигиальном монастыре в Акатово // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3421490.html>.

* * *

Проект создания, посвященной Патриарху Сергию (Страгородскому) возник еще в конце 1990-х гг. Тогда вопрос о сергианстве был особо актуален в свете наметившегося сближения позиций Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Зарубежной Церкви. Проанализировать эту проблему, решить, почему необходимо отказаться от принципов, на которые после 1927 г. вынужденно пошел будущий предстоятель РПЦ казалось необходимо не только с исторической, но и с церковно-политической точки зрения. Это понимали многие – и в России, и за ее пределами. В этой связи издание антологии, где были бы собраны различные материалы, относящиеся и к личности Патриарха Сергия, и к явлению, получившему наименование сергианства, воспринималось как вполне оправданное. Однако, в силу ряда причин, осуществить задуманное тогда не удалось.

С тех пор прошло более 15 лет, но интерес к личности Патриарха Сергия, споры вокруг него, – не утихли. В преддверии 100-летней годовщины русской революции 1917 г., думается, издание антологии выглядит не менее востребовано, чем в конце прошлого века. Действительно, Патриарх Сергей – эпохальная личность, без понимания его вклада в церковную историю трудно разобраться и в жизни Православной Церкви 1920-х – 1930-х, да и последующих годов. Человек, получивший всероссийскую церковную (и не только) известность на заре XX столетия, он стал по-настоящему исторической фигурой после кровавых изломов Гражданской войны, когда необходимо было найти место Церкви в откровенно безбожном государстве «рабочих и крестьян». И будущий Патриарх это место нашел. Результат его «поисков», как и сами эти «поиски» у многих современников вызвали далеко не положительные чувства. Сергию припомнили все – и дореволюционную «эластичность», умение приспособливаться к самодержавной власти, и эпизод, связанный с пребыванием в Св. Синоде после Февраля 1917 г., и пребывание в обновленчестве, и, конечно, его знаменитую Декларацию 1927 г. Трагедия Церкви стала и его личной трагедией.

дией, одними понимаемой как трагедия «бogoотступничества», другими – как трагедия принятия на себя тяжкого Креста спасения уничтожаемой церковной институции.

О нем много писали – осуждали, оправдывали, писали и современники, и историки Русской Церкви, в России и за границей. Собрать все работы, понятно, возможности нет. Но представить хотя бы некоторые из них, иногда не в полном объеме, а фрагментарно, – возможно. Но для правильного суждения о Патриархе Сергии, как, наверное, и о любом выдающемся деятеле прошлого, необходимо представить не аналитические и публицистические материалы, но предоставить слово и самому герою. Конечно, это слово не может быть развернутым, однако, и в кратком изводе оно позволяет понять его логику и главные идеи.

По этой причине антология и открывается материалами, относящимися к творчеству самого Патриарха Сергия. Речь идет о магистерской речи будущего иерарха, написавшего работу, в которой рассматривалось православное учение о личном спасении. Следующий материал – его выступления в Религиозно-философских собраниях, проходивших в С.-Петербурге в 1901 – 1903 гг. И современники, и исследователи часто называли эти собрания выдающимся событием, удивительной встречей церковных деятелей и богоискательски настроенной интеллигенции. То, что ректор духовной академии епископ Сергей (Страгородский) был председателем РФС, говорило о многом – и об отношении к нему столичного митрополита Антония (Вадковского), и о приемлемости его кандидатуры со стороны светских участников собраний. Следующий материал – речь владыки, посвященная готовящемуся в 1905 г. манифесту об укреплении начал веротерпимости, которая позволяет понять, в чем и как видел он церковную свободу в условиях конфессионального государства, решившего либерализовать свое религиозное законодательство. Отзыв Сергия, тогда уже архиепископа Финляндского, о необходимых переменах в русском церковном управлении, созыве Поместного Собора, избрании Патриарха и других важных вопросах завершает этот блок материалов. Далее помещены широко известные и многократ-

но публиковавшиеся послания митрополита Сергия 1927 г., его «Памятная записка П. Е. Смидовичу» и статья «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя». Без этих материалов невозможно правильно понять аргументы противников линии митрополита Сергия, которые также представлены в настоящей книге. Разумеется, количество документов, вышедших из-под пера владыки, можно было бы многократно увеличить, но это представлялось излишним в силу того, что они давно известны исследователям и не могут принципиально помешать читателю антологии адекватному восприятию его личности. Последний документ, помещенный мной в первый блок, не имеет прямого отношения к творчеству Патриарха Сергия: это материалы журнала Св. Синода № 51 от 15 мая 1944 г. Но я посчитал необходимым поместить его в антологии, поскольку он оформлялся непосредственно в день кончины первоиерарха, когда было озвучено и его завещание.

Второй раздел (или блок) материалов взят мной из сборника «Патриарх Сергий и его духовное наследство», изданной в 1947 г. к 80-летию предстоятеля РПЦ. Это – свидетельства современников, вспоминавших о прошлом Патриарха, о своих встречах и разговорах с ним. Нельзя забывать, что все они готовили тексты в условиях сталинского церковного «псевдоренессанса» и носили по преимуществу апологетический характер: Сергий восхвалялся как мудрейший иерарх, великий патриот отчизны и верный сын Церкви. Какая-либо критика не допускалась, как не допускалась и вольность в интерпретации событий его жизни. Да и сами мемуаристы, не будем забывать, прошли сталинскую школу воспитания страхом и унижениями, прекрасно понимая границы возможного. И все же, их свидетельства – ценный источник, позволяющий понять, что и, главное, как *дозволялось вспоминать* о Патриархе Сергии в первые послевоенные годы. Всего опубликовано восемь воспоминаний, составленных Г. П. Георгиевским, архиепископом Фотием (Тапиро), Е. И. Петровским, архимандритом Нафанаилом (Смердынским), епископом Александром

(Толстопятовым), архимандритом (будущим митрополитом) Иоанном (Разумовым), протоиереем А. П. Смирновым и епископом Димитрием (Градусовым).

Важнейший, третий блок материалов антологии, содержит тексты, в которых дается оценка Патриарху Сергию – и как богослову, и как церковному деятелю. Вначале помещен отчет профессора С.-Петербургской духовной академии Н. А. Заозерского о магистерском коллоквиуме будущего предстоятеля, а затем – отрывок из работы протоиерея Георгия Флоровского, в которой рассматривается его богословская концепция. Далее читатель может ознакомиться с оценкой деятельности Сергия в качестве Заместителя Местоблюстителя, уже после того, как им была опубликована Декларация 1927 г. Далее следует обобщающая статья митрополита Гурия (Егорова), посвященная литературным трудам (то есть богословскому наследию) Патриарха Сергия и опубликованная в Журнале Московской Патриархии в 1954 г.

Далее, в этом же разделе антологии помещено «Письмо к Н. Н. по поводу Декларации», долгое время неверно приписывавшееся епископу Иллариону (Бельскому), но на самом деле составленное вероятнее всего катакомбным епископом Марком (Новоселовым). По мнению автора, в апокалипсическом смысле события, связанные с именем митрополита Сергия, представляются весьма значительными (особенно тревожили его грядущие последствия деяний владыки). Тревога разделялась тогда многими современниками, пытавшимися донести до Заместителя Местоблюстителя причины своего беспокойства. Одним из них был митрополит Кирилл (Смирнов), выдающийся православный иерарх, уважавшийся и ценившийся Патриархом Тихоном. В антологии помещены два материала из наследия владыки: «Выписка из ответа на мнение некоего о необходимости ему (митрополиту) объявить себя Местоблюстителем до времени освобождения из заключения м[итрополита] Петра», и «Письмо о местоблюстительстве».

Следующий документ принадлежит перу безусловного союзника митрополита Сергия – митрополита Елевферия (Богоявленского), в котором он разбирает постановления про-

тивников Заместителя Местоблюстителя об отложении от него. Представлялось важным показать и то, как воспринимали положение Русской Церкви конца 1920-х гг. выдающиеся представители эмиграции, православные мыслители Н. А. Бердяев и Г. П. Федотов, а также историк П. Н. Милюков. Они реагировали на происходившие в СССР события, что называется, «по горячим следам», почему их суждения и представляют несомненный психологический интерес. Много позже описал свои отношения с митрополитом Сергием и его церковным управлением митрополит Евлогий (Георгиевский), отрывок из воспоминаний которого также публикуется в антологии. Как бескомпромиссное обличение сергианской политики можно воспринимать работу священника Михаила Польского, в 1930-е гг. сумевшего бежать из советской России. Отрывок из его работы завершает третий блок.

Четвертый, заключительный блок, включает материалы исследователей – церковных и светских, писавших о Патриархе Сергии и его политике на протяжении последних десятилетий. Среди них есть работы современников Сергия (например, митрополита Мануила /Лемешевского/), есть и тексты, подготовленные в самое последнее время. Однако при рассмотрении вопроса об их публикации было принято решение располагать их в хронологическом порядке, игнорируя время написания и/или опубликования. Именно по этой причине первой из работ, помещенных в четвертом блоке антологии, стала статья современного петербургского историка П. Г. Рогозного, в которой рассматривается вопрос о жизни и церковной деятельности владыки Сергия в 1917 г.

Далее публикуется фрагмент из книги А. Э. Левитина-Краснова и В. М. Шаврова, посвященной истории обновленческого движения. Действительно, пребывание митрополита Сергия среди обновленцев в течение ряда месяцев (с 1922 по 1923 гг.) – событие, позволяющее лучше понять и его самого, и парадоксальность того времени. То, что об этом написал А. Э. Левитин-Краснов, некогда служивший диаконом у обновленческого митрополита Александра Введенского, позволяет оценить его текст не только как историческую (аналитическую) работу, но и как важный источник. В иной манере исполнена работа об

обновленческом периоде в жизни митрополита Сергия известным церковным историком, в 1920-е гг. – активным борцом с обновленческим движением в Петрограде, митрополитом Мануилом (Лемешевским). При этом нельзя забывать, что владыка, много лет проведший в лагерях и ссылках, был последовательным сторонником линии Сергия и его апологетом. Таким же апологетом являлся любимый ученик митрополита Мануила, митрополит С.-Петербургский Иоанн (Снычев), много писавший о церковных расколах 1920-х – 1930-х гг. и о состоянии Русской Церкви при Сергии (Страгородском). Его мнение представляет интерес прежде всего как отражение официальной церковной позиции Московской Патриархии в годы так называемого «застоя». Принципиально свою позицию митрополит Иоанн не изменил, как известно, и в дальнейшем, скончавшись в 1995 г.

Достаточное внимание уделено в антологии и публикациям, посвященным анализу Декларации 1927 г. Конечно, эту часть представляемой вниманию читателей книги можно было бы существенно расширить, но, думается, увеличение числа текстов не привело бы к принципиальным изменениям. В результате, я выбрал те публикации, в которых, как мне кажется, наиболее четко определена позиция авторов, не важно, поддерживают они Декларацию митрополита Сергия или осуждают ее. Среди публикаций на названную тему – статья московского исследователя Е. С. Полищука, в 1991 г. опубликованная в парижском «Вестнике РХД» и посвященная рассмотрению вопроса о то, как следует понимать Декларацию – как капитуляцию или как компромисс? Шесть лет спустя, в парижской газете «Русская мысль», к 60-летию издания Декларации появились сразу две статьи – игумена РПЦ Иннокентия (Павлова) и московского православного публициста А. И. Кырлежева, в которых анализировались как исторические, так и экклезиологические аспекты этого печально известного документа. Для лучшего уяснения вопроса о роли и значении деятельности митрополита Сергия в конце 1920-х – в 1930-е гг. далее помещены статьи современных отечественных исследователей Церкви:

- священника Александра Мазырина, написавшего работу о призвании служителей Церкви в эпоху гонений, в которой рассмотрена позиция Заместителя Местоблюстителя в сравнении с позицией его основных оппонентов;
- А. В. Журавского, рассматривавшего вопрос о классификации оппозиционных движений и групп митрополиту Сергию; и
- О. Ю. Васильевой, писавшей о февральской пресс-конференции владыки (в плане ее исторического осмысления и исторического наследия).

В соответствии с хронологией, далее располагаются статьи и отрывки из монографий, в которых рассказывается о заключительном этапе жизни Патриарха Сергия: о его встрече с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г. (отрывок из книги отечественного историка и религиоведа В. А. Алексеева), и о том, можно ли считать «вождя народов» «учредителем» Русской Православной Церкви Московского Патриархата (статья священника Александра Мазырина).

Разумеется, существует достаточно работ, в которых оценивается деятельность Патриарха Сергия «в целом». Их я посчитал правильным поместить в конце антологии. Так, в ней опубликован отрывок из монографии канадского историка русского происхождения Д. В. Поспеловского, который никогда не скрывал своей приязни к Патриарху Сергию, и сюжет из трехтомника диакона Владимира Степанова (Русака) «Свидетельство обвинения», в которой дается жесткая характеристика этого предстоятеля. Продолжают тему статьи: московского иеромонаха Никона (Белавенеца), написанная для Журнала Московской Патриархии к 50-летию со дня кончины Патриарха Сергия; петербургского протоиерея Александра Ранне, опубликованная в новгородском журнале «София» в 1998 г.; и московского клирика Ильи Соловьева, появившаяся (как и работа отца Никона) в ЖМП, но уже в 2013 г., к 70-летию избрания Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Все три автора могут быть отнесены к группе историков и публицистов, пишущих о Патриар-

хе Сергии не только с уважением, но и с пиететом (не случайно, полагаю, иеромонах Никон даже назвал свою статью «записками “сергианина”»).

В качестве приложения, в конце антологии помещен список основных работ Патриарха Сергия, а также библиографический указатель (к сожалению, далеко не полный) работ, ему и его деятельности посвященных.

Подводя итоги, хочется сказать, что у составителя представляемой на суд читателей антологии не было цели доказать, что Патриарх Сергей (Страгородский) – оклеветанный праведник или же, наоборот, заслуживающий осуждения вероотступник и еретик. Цель была гораздо скромнее: показать, что и поныне Патриарха Сергия оценивают, анализируя его политику, исходя из совершенно разных посылок. Если непримиримые критики обращают внимание на его недостаточную веру в Промысел Божий, воспринимая его стремление «спасти» Церковь в лучшем случае как «искусительное», то сторонники-«сергиане», наоборот, видят Промысел в том, что он не позволил Церкви маргинализироваться, уйти в подполье и там сгинуть. В связи с этим и понятие Креста, который нес Патриарх Сергей, трактуется по-разному: то, что для одних – норма, для других – безусловная патология. Есть от чего прийти в замешательство!

Однако при спокойном взгляде на проблему понимаешь, что суть ее заключается не только и не столько в сущностной дихотомии полемистов, не позволяющей найти общее основание для суждений о Патриархе Сергии, сколько в стереотипах восприятия прошлого как такового. Для пояснения сказанного, напомним о том, что у медиков есть понятия: «смертельная болезнь» и «неизлечимая болезнь». Объяснять, что значит «смертельная» достаточно просто: это болезнь, не совместимая с жизнью, то есть функционально необратимая. В истории человечества были примеры, когда «смертельные болезни» постепенно переходили в разряд «неизлечимых» (то есть функционально обратимых), а затем и вовсе излечивались. Такова история чумы и оспы.

В социальной истории человечества, полагаю, также есть свои «смертельные» и «неизлечимые» болезни, которые правильно оценить современники могут не всегда: большое, как известно, видится на расстоянии. Трагедия часто играет с человеческим сообществом дурную роль, не позволяя мыслить исторически. То, что столетия спустя оказывается «излечимым», современниками воспринимается либо как окончательный приговор, либо как приговор «отложенный», но все равно – неизбежный. Фатализм часто провоцирует максимализм, убежденность в чем-либо – отказ признавать иную правоту. Революция 1917 г., думаю, породила многие социальные «болезни» российского общества, которые сказались, не могли не сказаться, и на жизни Православной Российской Церкви. Ее чада – и архиереи, и священники, и миряне – оказались в условиях стремительно, буквально на глазах, изменяющегося мира, оставляя впечатление наступавшего конца времен.

Сегодня мы знаем, что обещанного большевиками «рая» достичь не удалось, как сегодня не удастся (и не может удастся) вернуться к нормам и традициям дореволюционного социума. «Болезнь» общества вновь приобретает затяжной характер, кажется уже «функционально необратимой». Эсхатологические переживания вновь получают право на жизнь, в некоторых случаях и для некоторых групп «страждущих» начинают даже направлять ее течение.

Можно ли сказать, что такие «страждущие» не правы? Да и где искать эту правду?

Только история позволяет нам понять, что искать истину «посередине» глупо, что реконструкция прошлого часто зависит от запросов настоящего. Увы! Но, понимая это, мы сможем честно сказать: не следует стараться соединять противоположные позиции, «консенсус» не всегда достигим. В конце концов, «исторический диагноз» можно ставить, подходя к исследованию социальных патологий с использованием различных приемов и методик. Однако сведение различных приемов и методик воедино, не может приблизить позитивное решение вопроса об «излечении», тем более не всегда может привести к успеху «хирургической операции». К тому же и диагностика – медицинская ли, социальная –

не всеильна. Этому, убежден, и учит нас история противоречивых суждений о Патриархе Сергии.